

Графико-литографическое



УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

БЫВШАГО ЗАПОРОЖЦА

НИКИТИ ЛЕОНТЬЕВИЧА

КОРЖА.

МАЛКОВА БИБЛИОТЕКА СУДЕЙСТВИЯ И МЕНЕДЖЕРА

Спирж
2935

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ,
ВЪІВШАГО ЗАПОРОЖЦА,
ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ И
УѢЗДА , СЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКИ ,
НИКИТИ ЛЕОНТЬЕВИЧА
КОРЖА.



ОДЕССА.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

1359
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНЛАЙН-МЕНИКОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ гѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было узаконенное
число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ Одессы. Мая 23 дня,
1842 года.

Цензоръ К. Зеленецкій.



Сигн.
2/35.

Въ журналѣ, издаваемомъ Министерствомъ Народного Просвѣщенія, въ книгахъ Г-й 1838 и II-й 1839 годовъ, о Запорожскихъ козакахъ было помышлено нѣсколько фрагментовъ, подъ названіемъ: «Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ.» Источникъ, изъ котораго почерпнуты преданія сіи, — бывшій Запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, жившій не менѣе ста четырехъ лть.

Когда Коржеевы преданія столь счастливы, что они обратили на себя благосклонное вниманіе ученыхъ Обществъ и просвѣщенныхъ мужей, въ особенности любящихъ отечественную исторію: то мнѣ показалось, что Коржу чести, а ученымъ Обществамъ и мужамъ просвѣщеннымъ удовольствія тѣмъ болѣе будетъ, если преданія старца издадутся въ оригинальномъ его тонахъ, т. е. въ тѣхъ самыхъ словахъ, выраженіяхъ, оборотахъ, словомъ, въ томъ самомъ разсказѣ, какимъ они вышли изъ устъ самаго автора. Мысль моя коснулась здѣсь и лестной моей Одес-

скому Историческому Обществу, чрезъ именование членомъ онаго, принадлежности, изъ которой вытекаетъ непремѣнная обязанность, действовать. Симъ убѣдясь, я и рѣшился, издать Коржевы преданія въ оригинальномъ его тонѣ, съ присовокупленіемъ илькоторыхъ примѣчаній и обясненій.

Но какъ они въ этомъ тонѣ попались мнѣ въ руки? Отвѣтъ кратокъ: прежде однако обвязываюсь, вспомянуть почтеннаго моего сотрудника, Преосвященнаго Іакова Епископа Саратовскаго. Оба мы, каждый въ своемъ званіи и должностяхъ, жили съ 1828 года по 1831 годъ въ Екатеринославѣ, гдѣ беспѣдовалъ съ нами и Никита Леонтьевичъ Коржъ. И такъ, онъ расказывалъ старое Запорожское свое житѣе-бытие, а мы слово въ слово записывали. И когда соединили между собою отрывки: вышла книжка.

Исполненный долготою мирныхъ дней Никита Леонтьевичъ скончался въ Октябрь мѣсяцъ 1835 года, сдѣлавшись больнымъ отъ простуды, которую получилъ, занимаясь зборомъ доброхотныхъ подаяній на новостроившуюся съ селъ Михайловку деревянную

церковь, вмѣсто бывшей тутъ, но отъ молнии сгорѣвшей. Содѣйствіемъ Коржа церковь въ Михайловкѣ дѣйствительно возстановилась; и при подноженіи олтаря ея ищи преданій источника, кому онъ пріятенъ *).

Жилъ онъ въ с. Михайловкѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, который доставшиесь ему отъ его предковъ, чистыхъ Запорожцевъ, и самъ собою, т. е. и старостью своею, и видомъ крайне занималъ всѣхъ проѣзжихъ тѣмъ селомъ, простыхъ и знатныхъ людей, изъ коихъ многіе потому у Коржа и почлегъ весьма часто имѣли. Слѣдовательно не безнадѣжно, что усопшій, многолѣтній старикъ сей, кромъ воспоминанія о немъ на земль, не лишается, за любовь къ ближнимъ своимъ, за странопріимство, славы и на Небеси. Въ лонѣ Абраама, отца вѣрующихъ, вѣроятно покой его. По крайней мѣрѣ да будетъ ему сіе, мы, оставшися здѣсь, да воспросимъ отъ Господа Вседержителя.

Мѣстоположеніе всего вообще, старозаведеннаго, въ Михайловкѣ, жилища Коржева

*) Въ Исторіи «Новой-Сѣчи» г. Скальковскаго, относительно сего обстоятельства имѣется ошибка. См. предисловіе стр. VI.

доволио замчательно для любопытныхъ. Оно, будучи обсажено въковыми деревьями и кругомъ обтекаемо рѣчкою, тонкою, почти какъ нить и извишающеюся, какъ площеѣ около древа, образуетъ собою совершенный островъ. Никто изъ пропажавшихъ снялъ съ сего мыста картинку, и прибавилъ къ ней слдующій, изъ писни Запорожской, отрывокъ, всегда, подъ веселый часъ, Никитою Леонтьевичемъ пѣтый:

Ой сичь маты,
Ой сичь маты;
У дузи заробты,
А въ Сичи пропиты.

Лъщусь надеждою, что книжица сія не неудостоится того точно благосклоннаго просвѣщеныхъ мужей вниманія, косою ожиданіемъ я поощренъ былъ къ ея изданію. Впрочемъ, если сего и не будетъ: я утѣшусь, вспомнивъ сказанное однажды изъ древнихъ: *si non feras, tamen seras* т. е. (не по буквальному переводу) если книжица и не удостоена вниманія, по крайней мѣрѣ она непропала; и Коржевы подлинныя устныя преданія не исчезли.

Гаврила, А. Х. и П.

16 Мая 1842 года.

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ,

БЫВШАГО ЗАПОРОЖЦА, ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПУБЪЗДА, СЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКИ,

НИКИТЫ ЛЕОНТЬЕВИЧА КОРЖА.

I.

О ЖИЗНИ Н. Л. КОРЖА.

Я уроженецъ Новихъ-Кодакъ, въ кои зашли мои предки на жительство изъ Малоросіи т. е. изъ Гетманщины, что нынѣ Полтавской губерніи городъ Кобеляки. 1-й изъ нихъ былъ прадѣдъ Василій Жаданъ по фамиліи, жилъ на свѣтѣ 85 лѣтъ; 2-й, дѣдъ Тарасій Жаданъ, жилъ на свѣтѣ 89 лѣтъ, и предъ смертю за полтора года ослѣпъ, его я довольно помню и вожу бывало за руку, по причинѣ его слѣпоты; 3-й, отецъ мой Леонтій фамилією не Жаданъ, по Таранъ, такое прозваніе получиль онъ отъ куреня Запорожскаго, и жилъ на свѣтѣ 115 лѣтъ, а мать звали Марию, которая также померла въ глубокой

старости и погребена въ моемъ саду , гдѣ нынѣ мое теперь жительство. Всѣ оные мои предки находились по смерть въ Новыхъ-Кодакахъ безотлучно , жили добродѣтельно и благочестиво по Христіанскому обряду; занимались хлѣбопашествомъ , скотоводствомъ , пчеловодствомъ и рыбною ловлею , а иногда и звѣриною охотою. Ибо тогда во время Запорожья , вездѣ надъ Днѣпромъ , съ обѣихъ сторонъ были сильные и густые лѣса , и разнаго рода дикихъ звѣрей великое множество , о чёмъ и я еще довольно помню. Родился я въ томъ-же мѣстечкѣ — Новыхъ-Кодакахъ въ 1731 году Мая 30 дня , и проживши при родителяхъ моихъ въ младенчествѣ до 7 лѣтъ , взять былъ на воспитаніе крестнымъ моимъ отцомъ Яковомъ Емельяновичемъ Качаловымъ въ Сѣчь , въ которой онъ былъ тогда Старшиною т. е. Полковникомъ и Есауломъ Войсковымъ , а зимовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ , гдѣ нынѣ я проживаю , и на томъ самомъ мѣстѣ , и въ той самой хатѣ , которую самъ крестный отецъ мой выстроилъ , и которая хата до сего времени существуетъ , безъ всякой перестройки гораздо уже болѣе 100 лѣтъ. Она построена съ линоваго дерева рѣзанаго , и всея рубленная , пространствомъ небольшая , безъ всякихъ пристроекъ кромѣ сѣней. Около сей хаты въ древности были терновые кусты , и небольшое расло бѣрестовое дерево , гдѣ нынѣ высокий

лѣсь и садъ моими трудами разведеній. Отецъ мой крестный былъ холостъ и отъ юности не женатъ , который по атакованіи уже Сѣчи былъ пожалованъ отъ короны примѣрь - маіоромъ , жилъ на свѣтѣ 101 годъ. Я находился при немъ неотлучно по смерть его ; а погребенъ онъ въ Новыхъ-Кодакахъ . Женился я еще за жизнь его , тоже въ Кодакахъ , на дѣвицѣ Параксовой . Дѣтей имѣлъ : 7 сыновей и 4 дочери , изъ коихъ вѣкоторые померли. Внуковъ имѣю 18 душъ , да правнуковъ 4 души , и всѣ они еще живы. Жена моя померла за 40 уже лѣтъ тому назадъ. Съ молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ разныхъ послушаніяхъ у крестнаго моего отца , какъ въ Сѣчи при куринѣ , такъ и въ зимовнику по его хозяйству ; а послѣ женитьбы занимался я и самъ хлѣбопашествомъ , скотоводствомъ и садоводствомъ , и разными пристойными занятіями по хозяйству ; а нынѣ уже оное хозяйство и всѣ оные хлопоты домашнія поручилъ дѣтямъ , а занимаюсь только однимъ пчеловодствомъ подъ старость , да и то уже изнемогаю и преклоняюся къ землѣ , отъ нея-же взять быхъ , и явѣ уже есть , яко скоро въ ню подобаетъ ми возвратитися и преселитися къ предкамъ. Обаче не умру , но живѣ буду и повѣмъ дѣла Запорожскія , а прежде всего скажу о Михайловкѣ , въ коей я былъ осадчимъ и повѣреннымъ за землю ; а по томъ буду говорить о Запорожской Сѣчи , о Екатеринославѣ , о Самарѣ и о прочихъ мѣстахъ

и происшествияхъ здѣшней Украины. Что-же касается до прозванія моего, отъ чего я называюся Коржемъ, о томъ упомянуто будетъ ниже, при описаніи Запорожскихъ обычаевъ.

II.

О НАЧАЛЬ СЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКИ.

=

По смерти крестнаго моего отца Якова Качалова, когда я остался самъ на его жительствѣ; то въ то время и на томъ самомъ мѣстѣ, не было никого изъ сосѣдовъ; а потому тамъ начали мало-по-малу населяться люди изъ разныхъ мѣстъ и селеній, то мѣсто называли «вольными великими хуторами», что и продолжалось черезъ нѣсколько лѣтъ, до послѣдованія именного указа въ 1800 году, коимъ вѣбно хутора уничтожить, а жителей хуторянскихъ собрать въ одно мѣсто и поселить при трактовыхъ дорогахъ, и отнюдь не называть вольными хуторами, но селеніями. О каковомъ предметѣ т. е. обѣ утвержденій и о наименованіи селенія въ томъ самочь мѣстѣ, гдѣ я нынѣ нахожусь, по даний мнѣ отъ З-хъ селеній: Кодака, Діевки и Сухачевки довѣренности, поелику изъ сихъ селеній населились большею частію и хутора, подаваль я просьбу въ Екатеринославскую казенную палату. Палата разсмотрѣвши мою просьбу, и освидѣтельствовавши чрезъ члена оной казенной палаты,

ассесора Мартина Коваленка, мѣстоположеніе вольныхъ хуторовъ, и нашедши оное выгоднымъ и способнымъ для селенія, мѣсто утвердила и предписала указомъ волостному Діевскому правленію, о препятственномъ населеніи окомо меня жителей. И когда умножилося селеніе, то по вторичной моей просьбѣ о наименованіи селенія, казенная палата опять того-же чиновника Коваленка откомандировала; и когда прибывши чиновникъ въ мой домъ и собравши все общество въ сходку, началъ поряду всѣхъ спрашивать какимъ именемъ хотятъ они назвать свое селеніе? то иные сказали пусть будетъ Качаловивка! на имя первобытнаго здѣсь жителя Качалова, крестнаго отца Коржева.— А другіе то отрицали и говорили: нѣть! пусть будетъ Корживка, на имя повѣренного нашего Никиты Леонтьевича Коржа, поелику онъ первый по Качаловѣ житель и ходатай, какъ за сию землю, такъ и за прочія наши дѣла. Но я нехотя имѣть въ сей жизни славы и почестей, какъ себѣ, такъ и крестному моему отцу, а ожидая и желая оную получить въ жизни будущей, воспрепятствовалъ всѣмъ общественнымъ голосамъ и отнюдь на желаніе и приговоръ ихъ несогласился. Въ слѣствіе чего, видя чиновникъ г. Коваленко между нами несогласіе, изволилъ предложить всему обществу слѣдующее свое мнѣніе: послушайте г-да почтенное общество! если вы несогласны утвердить ни того ни другаго разногласнаго в-

шего мнѣнія на счетъ названія селенія урочнымъ именемъ, то пускай будетъ селеніе ваше названо Михайловкою, на имя Государя Великаго Князя Михаила Павловича! на что всѣ съ радостію и согласились — и когда о семъ отрапортовано было чрезъ г. чиновника, казенной палаты, то оная утвердивши общее наше мнѣніе, предписала паки указомъ волостному правленію, дабы опубликовало всѣмъ сборнымъ избамъ объ утвержденіи и о названіи вольныхъ хуторовъ селеніемъ Михайловкою. Потомъ, когда гг. со-сѣдніе помѣщики Петръ Петровичъ Папчинскій, бывшій тогда въ Кременчугскомъ губернскомъ правленіи секретаремъ и Алексѣй Ивановичъ Верминка, капитанъ изъ бывшихъ Запорожцевъ, завладѣли нашимо казенною землею самоправно: Папчинскій отмежевалъ 3,000 десятинъ, а Верминка 1,500 десятинъ, и поелику Сухую-Сур занялъ Папчинскій, а Мокрую — Верминка, то казенныхъ поселеній Кодачанъ и Діевцевъ, равно и Михайловскихъ жителей такъ утѣсили помѣщики, что до рѣкъ Суръ вовсе не было ни какого водопоя для скота; а меня со-всемъ вытѣснили и выгнали изъ моего жилища и поселили въ дворѣ моемъ 8 семействъ своихъ крестьянъ, Папчинскій-же на свое мѣсто участкѣ земли, у насъ отнятой, посыпалъ двѣ слободы и тогда я скитался по чужимъ дворамъ съ малолѣтними дѣтьми сиротами, оставшимися отъ покойной жены моей. По каковымъ причинамъ,

какъ я, такъ и прочие поселяне Кодачане и Діевчане и Михайловскіе жители, бывъ въ крайней обидѣ, вынудились собраться въ общую сходку и положить совѣтъ о выборѣ новѣреннаго, для ходатайства по судамъ за казенную землю, поступившую въ постороннія руки. И такъ общимъ совѣтомъ за всѣми моими отговорками, упросили меня быть новѣреннымъ не только за землю, но и за всѣ общественные дѣла, какія-бы ни случились въ нихъ. На что я получивши довѣренность отъ нихъ, началъ ходатайствовать по оной, отъ низкихъ судовъ и до высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Но не получая отъ нихъ ни какого удовлетворенія на мои аппеляціонныя жалобы, чрезъ долгое время, и за всѣми моими иждивеніями и убытками, вынужденъ уже утруждать мою просьбою г-дь ревизоровъ: Кушелева и Алексѣева, кои по возшествіи на престолъ Государя Павла I, присланы были въ то время въ Екатеринославъ. Они принявши отъ меня прозьбу, тотчасъ предписали Екатеринославскому губернскому правленію, дабы я съ моими вѣрителями, по силѣ моей прозьбы быль удовольствованъ, что вскорѣ было и учинено, и земля наша отъ г. Папчинскаго была возвращена и слободы его съ нашей земли, были переведены на его землю. Но участокъ земли, находившійся въ рукахъ г. Верминки еще не быль возвращенъ по той причинѣ, что онъ Верминка, за всѣми рѣшеніями ревизоровъ и

губернского правленија, обстаивалъ оную землю своимъ прозьбами еще и въ правительствующемъ сенатъ, а потому, какъ за сию Верминкину землю, такъ и за Кодацкую, которая занята была тогда подъ городъ, а также и за вольную продажу горячаго вина, по силѣ откупа подавалъ я чрезъ почту Государю на Высочайшее имя двѣ прозьбы съ ряду, но не получая на оныя ни какого извѣстія и рѣшенія чрезъ двугодичное протеченіе, рѣшился самъ лично побывать съ довѣренностию въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ. Прибывши въ Москву *), явился я въ 1-й департаментъ сената, где и получилъ за Верминкину землю рѣшительное удовлетвореніе въ пользу моихъ вѣрителей. А потомъ отправился въ Санктпетербургъ на счетъ Кодацкой земли, присоединенной къ городу, а также и за винный откупъ, по прежнимъ поданнымъ мною Государю прозьбамъ, и явился къ родопину Муравьеву, докладчику Его Имп.

*) По случаю пребыванія своего въ Москвѣ, Коржъ разсказывалъ многіе о себѣ, весьма забавные анекдоты. Наримѣръ: по природному любопытству своему онъ вздумалъ взмѣрять тамъ всѣмъ извѣстную, самую большую, въ Кремль находящуюся пушку. И такъ взялъ веревку, не смотря ни на холодъ ни на глубокой тогдашней снѣгъ, къ ней и отправился. Но, добравшись, когда началъ пушку мѣрять, то тчасъ усмотрѣнъ былъ караульными солдатами; взяты и отведенъ на гаубахту. Попыявъ его за соглядатая, тутъ хѣлали ему разныя доцоры. Изъ всѣхъ одинакожъ омытовъ, когда открылось, что онъ не другое чѣло, какъ простой Запорожскій козакъ, остроумный вирочечъ и замысловатый: тогда сомнѣніе обратилось въ общий смѣхъ, чрезъ который Коржъ извѣстенъ сдѣлался и другимъ въ Москвѣ мѣстамъ и лицамъ, къ немалой пользѣ касательно цѣли пребыванія его тамъ.

РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, который отыскавши мои прозьбы, безъ надлежащаго хода, до прибытія моего находившіяся, поднесъ Государю; а Государь помѣтъ оныя отоспалъ сенату на разсмотрѣніе, потомъ сенатъ, рѣша оное дѣло, предоставилъ на волю Кодацкимъ жителямъ, жить на городской землѣ и пользоваться одними правами и выгодами, которые зависятъ по земству; о чѣмъ предписано было и военному губернатору Дюку Ришелье, а мнѣ выдана была копія рѣшенія, дабы оною явился къ Екатеринославскому губернатору г. Берту. Что-же касается до винаго откупа, то въ томъ мнѣ было отказано по той причинѣ, что контракты уже были заключены и утверждены; и вѣрно мнѣ сказать, что если-бы я прибылъ туда-же раньше т. е. за мѣсяцъ или два предъ тѣмъ, то могъ-бы безъ труда получить свое удовольствіе и Государь въ томъ-бы уважилъ. И такъ я возвратясь изъ столицы за Божію помощію, съ успѣхомъ прибылъ въ домъ свой благополучно и заслужилъ отъ вѣрителей моихъ благодарность и уваженіе, не себѣ одному, но и потомству моему.

III.

О ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧИ.

Когда именно и съ какихъ временъ Запорожье воспріяло свое начало; о томъ достовѣрно

утвердить немогу , но когда мои предки зашли на жительство въ сию украину , то въ тѣ поры оное уже существовало и по устному ихъ преданию чрезъ прадѣда , дѣда и отца моего дошло и до меня свѣденіе , что оные Запорожцы въ древніе времена назывались Козарами . Поелику ихъ главное жительство было надъ Днѣпромъ пониже пороговъ , то и названы уже послѣ того чрезъ Гетмана Хмельницкаго , Запорожцами , и хотя они жили подъ державою Россійскою во времена блаженной памяти ПЕТРА ВЕЛИКАГО , но относились всѣми дѣлами своими до Хмельницкаго , а Россія до распоряженій ихъ , дѣла никакого не имѣла ; Хмельницкій же Гетманъ имѣль тогда свое правительство въ Гетманщинѣ и командовалъ всѣми Гетманскими полками , состоявшими изъ Малороссійскихъ козаковъ , вместо бывшаго измѣнщика Гетмана Мазепы *). Земля Запорожская распространялась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра , граничила она съ юго-западной стороны вверхъ по Днѣпру , отъ рѣки Буга , по рѣку Случь , смѣжно съ Польскою границею , а въ низъ по Днѣпру простиравась до великаго Лимана , гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ , съ сѣверо-восточной-же стороны тоже вверхъ по Днѣпру простиравась она до рѣки Орели , которая впадала въ Днѣпъ , около мѣстечка Китай-

*) Здѣсь авторъ преданій впадаетъ въ анахронизмъ . Послѣ Мазепы Гетманствовалъ не Хмельницкій а Скоропадский . См . Исторію Малой Россіи . М . 1822 . Томъ IV , стр . 3 и 4 .

города ; за Орелью-же начиналась граница Гетманская , а въ низъ простиравась она по рѣку Конку , противу бывшей Сѣчи и граничила съ Донскими Козаками и Крымскими Ногайцами .

Сѣчъ , по всей Запорожской землѣ была тогда за моей памяти только одна ; въ ней было главное Запорожское правительство подобно какъ въ Столицѣ . Она имѣла непремѣнное свое пребываніе надъ рѣчкою Подпольною , недалече отъ Днѣпра , которая Подпольная и впада въ Днѣпъ , на томъ самомъ мѣстѣ , гдѣ теперь селеніе Покровское , название получившее отъ Покровской Запорожской церкви , которая и донынѣ еще существуетъ . — Подпольная рѣчка такъ глубока , что лодки Запорожскія проходили ею въ Днѣпъ , а Днѣпромъ въ лиманъ , а изъ лимана въ Черное море , а такъ же и Греческіе лодки съ бакаліею и прочими товарами приходили симъ же путемъ до Сѣчи , но далѣе пройти немогли Днѣпромъ по причинѣ пороговъ . Въ Сѣчи Запорожской было 40 куриней и 40 Отамановъ и каждый Отаманъ распоряжалъ своимъ куринемъ : а во всякомъ куринѣ щиталось военныхъ козаковъ 1000 , а въ иномъ куринѣ было и больше , кромѣ женатыхъ , жившихъ по зимовникамъ т . е . по хуторамъ въ разныхъ Запорожскихъ владѣніяхъ , гдѣ кто себѣ мѣсто уподобаля , но и они числилися и принадлежали къ тѣмъ же куринямъ по названію ; а въ Сѣчи никого женатыхъ небыло . Всякой же куринѣ имѣль свое название и имено : 1-й быль

Канивскій , 2-й Левушкивскій , 3-й Плахтіевскій , 4-й Ведмедовскій , 5-й Стеблевскій , 6-й Иркліевскій , 7-й Щербіновскій , 8-й Пластунівскій , 9-й Переясловскій , 10-й Глушківскій , 11-й Дядьківскій , 12-й Уманскій , 13-й Деревянківскій , 14-й Корсунскій , 15-й Конівскій , 16-й Гадяцкій , 17-й Вербицкій , 18-й Шастунівскій , 19-й Мишастівскій , 20-й Пашківскій , 21-й Легушківскій , 22-й Полтавскій , и такъ далѣе до послѣдняго , коихъ еще остается 18-ть , о названіяхъ которыхъ , я подъ старость лѣтъ моихъ уже упомнилъ . Главное же въ Сѣчи правительство зависѣло отъ Кошевыхъ , коихъ въ теченіе времени , чрезъ всю бытность Запорожья было много перемѣнныхъ , то смертю , то другими случаями , но за моей памятибыль Кошевымъ , Калнышъ , и жилъ долго , даже до атакованія Сѣчи , Судьююбыль Касарь а Писаремъ Войсковымъ Глоба : сіи три члена составляли верховную власть и управляли всѣмъ Запорожьемъ .

IV.

ПРАВА ЗАПОРОЖСКІЯ И ЗАКОНЫ .

=

Права и законы по коимъ они рѣшали и судили тяжебныя дѣла , суть слѣдующія ; и именно : во всѣхъ Запорожскихъ предѣлахъ , по знатнымъ селеніямъ и мѣстамъ устроены были Паланки , — родъ уѣздовъ или земскихъ судовъ , въ коихъ

поставлялись по выбору три члена и назывались Судьями или панами : 1-й Полковникъ , 2-й Есауль , и 3-й Писарь , къnimъ въ помощь опредѣлены были отъ Сѣчи три Пидпака изъ козаковъ и всѣ оные члены по трехъ-четиремъ выборѣ перемѣнялись , и поставлялись на мѣстахъ ихъ другое и такимъ образомъ заведенье былъ порядокъ по всѣмъ Паланкамъ . Потомъ когда случатся тяжебныя дѣла , на примѣръ сказать : если два козака между собою поспорятъ , или подерутся , или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаетъ т . е . своимъ скотомъ потравить хлѣбъ , или сѣно , или другую какую нибудь обиду другъ другу причинятъ , и между собою немогутъ примириться , то оба они обиженный и обидѣвшій , купивши на базарѣ по калачу идуть въ Паланку позываться , къ которой они принадлежать и просятъ отъ судей своего удовольствія , и положивши калачи на «сырно» (столъ) кланяются судьямъ оба разомъ низенько и становятся возлѣ порога , сказавши : кланяемся панове хлѣбомъ и силью , и Судьи начнутъ ихъ спрашивать : яке ваше дило паны - молодцы ? Тогда обиженный прежде отвѣчаетъ : отъ панове ! яке наше дило , указывая на своего товарища , от-цей мене обыдивъ , от-стилько-то шкоды мини причинивъ своимъ скотомъ и несогласенъ мнѣ уплатить и пополнить що слѣдуетъ за спашъ сїна ; или за побой хлѣба ; потомъ суды спрашиваютъ другаго обидѣвшаго ... Ну братчику ! говори ты , правдали то , о чемъ оби-

женный товарищ твой на тебе жалуется? Тогда обидчикъ отвѣчаетъ: та-шоже панове! то все правда, що я школу сдѣлавъ моему сосиду и неотрекаюся, но немогу его удовольствовать по той причинѣ, что онъ требуетъ видѣть мене лише, а школы немае стильки. Тогда уже Паланка посылаеть Пидпанковъ и прочихъ постороннихъ верховыхъ козаковъ для освидѣтельствованія школы; они чрезъ нѣсколько часовъ возвращаются въ Паланку и объясняютъ судьямъ всю правду, истинно, чего школа стоитъ, тогда суды обращаются къ обидчику и говорятъ ему: ну! що-жъ ты братчику! согласенъ ли уплатить школу своему сосѣду, или нѣтъ? Тогда обидчикъ и паки кланяется судьямъ: та щожъ панство! лише винъ видѣть мене требуе, я несогласенъ ему уплатить; у воли вашей. Наконецъ суды долго его уговариваютъ и представляютъ ему резоны, что обида всякому непріятна и совѣтуютъ помириться и незатруднить высшаго начальства, и если тяжущіеся захотятъ помириться и другъ друга подовольствовать, то Паланка ихъ дѣло рѣшаеть сама и удовольствовавъ обиженнаго, отпускаеть ихъ по домамъ, а если обидчикъ поуирамится и непримирился злѣсь, то Паланка отсылаеть обоихъ ихъ до Сѣчи. Тогда тяжущіеся, поклонившись вмѣсть судьямъ отходятъ изъ Паланки и говорятъ: прощайте панство! А суды имъ скажутъ: ступайте съ Богомъ! когда же тяжущіеся пріѣдутъ до Сѣчи, то другъ друга спрашиваютъ:

а въ чий же куринъ по переду пидемъ? тогда обиженный говоритъ: ходимъ, брате, до нашего куриня; ну добре, ходимъ и до вашего куриня отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши же въ куринъ, являются оба къ Отаману и говорять ему: здоровъ батьку! Здоровы были паны - молодцы! отвѣчаетъ Отаманъ, сидайте! та-ни батьку! николы сидати, мы дило къ тоби имѣмо; ну говорите! яке ваше дило? скажетъ Отаманъ; тогда обиженный начиня ему жаловаться, объясняеть всю свою обиду и произшествіе, по ряду какъ было, и какъ они судились въ Паланкѣ, потомъ Отаманъ выслушавши все ихъ дѣло, спрашиваетъ обидчика: якого ты братчику куриня? и когда скажетъ обидчикъ, что онъ такого-то куриня и назоветъ куринъ по прозванию то Отаманъ закричитъ на хлопцівъ: а пидите-лишь такого-то куриня Отамана попросите до-мене; и когда тотъ Отаманъ придетъ и скажетъ первому: чого вы брате мене звали? тогда первый скажетъ ему: чи-се вашего куриня козакъ? потомъ пришедшій Отаманъ обратясь къ козаку своему скажетъ: такъ ты братчику нашего куриня? такъ батьку, вашего куриня, козакъ отвѣчать, поклонившись. Потомъ первый Отаманъ рассказываетъ сему второму Отаману все дѣло и произшествіе за тяжущихся козаковъ, и говорить такъ: ну-шо брате будемъ робить съ сими козаками? а пришедшій Отаманъ спрашиваетъ козаковъ: такъ васъ уже братчики и Паланка судила? Судила

батьку, и кланяются ему вмѣстѣ; тогда оба Отаманы начнут уговаривать тяжущихся: помиритесь братцы, и подовольствуйте тутъ уже одинъ другаго, дабы незатруднить далѣе вышаго начальства. Тогда обидчикъ опять поклонившись Отаманамъ, говорить такъ: та—щожъ батьки, коли винъ лише требуетъ видъ мене. Наконецъ Отаманы видя его упрямство, спрашиваютъ его въ послѣдній разъ: такъ ты братчику, несогласенъ его подовольствовать; нитъ батьки, у воли вашій, несогласенъ; и кланяется имъ обоимъ низко; ну теперь же братцы ходимъ вси четыре до Суды: що же скажетъ Судья. Добре, отвѣчаютъ казаки Отаманамъ, обождить—же батьки, пидемъ мы на базаръ и купимъ калачи, потомъ всѣ четыре являются Судь Войсковому, и вошедши въ куринъ по переду Отаманы кланяются и называвши Судью по имени говорятъ: здорови були пане добродію, а Судья взаимно отвѣчаетъ: здоровы и вы панове Отаманы, прошу сидати, потомъ тяжущіеся козаки такъ же кланяются Судь и кладуть калачи на сырно, говоря такъ: кланяемся вамъ добродію хлібомъ, та силью. Спасибо, епасибо, паны-молодци за хлібъ и за силь, отвѣчаетъ Судья, потомъ Судья спрашиваетъ Отамановъ: що се у васъ за козаки и яке дило мають? Тогда первый Отаманъ начинаеть пересказывать ему обиженнаго все дѣло и произшествіе, по риду, за козаковъ, якъ було оно сначала и якъ ихъ судила Паланка. Потомъ

Судья обратившись къ обидчику спрашиваетъ: такъ, якъ-же ты братчику рѣшился съ симъ козакомъ, указуя на обиженнаго, когда уже васть судила и Паланка, Отаманы и я присуждаю обиженнаго удовольствовать, а ты несоглашаешся по упрямству, будучи уже со всихъ сторонъ виноватъ. Потомъ долго его уговариваетъ и представляеть ему правильные и законные резоны къ примиреню, но обидчикъ никакими доводами не убѣждаясь стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прочимъ низшимъ членамъ и Отаманамъ: та—щожъ добродію, колы винъ лише требуе, я на то несогласенъ! Такъ ты несогласенъ братчику! несогласенъ добродію; ну теперь-же вы панове Отаманы идите съ нимъ до Кошового, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ и рѣшеніе; тогда Отаманы, вставши изъ своихъ мѣстъ, кланяются Судь всѣ разомъ съ козаками, и говорятъ: прощайте добродію; идите съ Богомъ, скажетъ Судья, а козакамъ примолвить: забирайте братцы съ собою и свій хлібъ съ сырна; та-ни добродію, мы соби купимъ на базари; забирайте, забирайте, съ гибвомъ повторяетъ Судья, и немедлите Отамановъ, бо имъ не одно дило ваше! Наконецъ взявши козаки свои калачи, приходятъ съ Отаманами до Кошового въ куринъ, всѣ четыре разомъ, и кланяются ему вмѣстѣ: здорови були вельможный пане, скажутъ ему. А Кошевый отвѣчаетъ: здоровы, здоровы, панове Отаманы, прошу сидати,

тогда тяжущіеся козаки стоя у дверей , возлѣ порога , кланяются и паки Кошевому низенько , и кладутъ калачи на сырно : кланяемся вельможный пане хлибомъ и силью ... благодарю паны-молодцы за хлібъ и за силъ , отвѣчаетъ вельможный . Потомъ спрашивается Кошевый Отамановъ : що-се у васть панове Отаманы за козаки ? Тогда Отаманы начинаютъ пересказывать Кошевому все дѣло и произшествіе ихъ по ряду якъ было сначала и до конца , а козаки стоятъ у порога . Потомъ выслушавши Кошевый дѣло , обращается до обидчика и говорить ему : ну якъ же ты , братчику , думаешь рѣшился съ симъ козакомъ , указывая на обиженнаго . Вась рѣшила Паланка , вась рѣшили Отаманы , вась рѣшиль и Судья Войсковий , а потомъ дило дошло и до мене , о чёмъ я разслухавши , признаю , что Паланка рѣшила дило ваше правильно , которое и я утверждаю и нахожу тебя во всемъ виновнымъ ; такъ теперь , что уже ты мини скажешь , согласент-ли ты будешь обиженнаго подовольствовать ? Ни , вельможный пане , требуе лише , и я несогласенъ на то .— Наконецъ опять ему Кошевый скажетъ громко , строго и со гнѣвомъ : такъ ты братчику несогласенъ ? такъ , вельможный пане , не согласенъ , у воли вашей , и кланяется ему низко . Ну добре , колиже ты несогласенъ ;—потомъ Отаманы встаютъ съ мѣста , видя Кошеваго во гневѣ , кланяются ему вмѣстѣ съ козаками всѣ четыре разомъ и прощаются

Отаманы съ Кошовымъ , по обычаю , выходятъ изъ курия , а также и тяжущиеся козаки поклонившись скажутъ вельможному : прощай , вельможный пане ! Прощайте паны-молодцы и насъ не забувайте , скажетъ наконецъ Кошевый и выходитъ въ сѣль за ними изъ курия , и когда выйдутъ на дворъ всѣ , то Кошевый крикнетъ на сторожей : сторожи ! кіивъ ; потомъ сторожи бѣгутъ и кіі несутъ оберемками ; тогда вельможный скажетъ : ну лягай братику , ось мы тебе проучимъ якъ правду наблюдати и панинь шанувати . Помилуй вельможный пане , возопиетъ тогда виноватый не своимъ гласомъ до неба . Ни , братчику , нема уже помилованія , коли такій упрямый ; козаки ! на рукахъ и на ногахъ сидайте и капитаны его на плечи закидайте ; сторожи ! бійте его , сучего сына , добра кіями , щобъ зналъ по чому кившъ лиха !—И когда кіі начнутъ между собою разговаривать и по ту и по другую сторону , то виновный козакъ мовчить уже тогда и слушаетъ готоваго , що кажуть . И когда виновнаго добре уже употчиваются т. е. до 50 или до 100 кіивъ дадуть , то тогда опять Кошевый крикнетъ : полно...и сторожи поднявши кіі на свои плечи стоять , якъ солдаты съ ружьями на часахъ , а козаки виновнаго еще держать , сидя на рукахъ и на ногахъ , дожидаясь послѣдняго рѣшенія . Тогда начинаетъ Кошевый говорить къ виновному : послухай братчику , якъ тебе Паланка рѣшила , и сколько

обиженный требуетъ, заплати ему непремѣнно, да сей-часть заплати, при моихъ очахъ. Тогда виновный, лежа отвѣчаетъ: чую! вельможный пане, чую, и готовъ все исполнить, что прикажешъ. — А что оце тебѣ выбили, то сноси здоровъ, щобъ ты недуже мудровавъ и не упрымився, продолжаетъ Кошевый; може тоби братчику ище прибавить кіивъ? Тогда виновный со слезами и воплемъ крикнетъ: о! помилуй, помилуй вельможный пане! буде съ мене и сего до-вику; не буду упрымиться и буду шануваты панство; тогда наконецъ, когда вельможный угамується т. е. перестанетъ сердится, то скажеть козакамъ и сторожамъ своимъ экзекуцію отправлявшимъ: ну полно, вставайте и козака на волю пускайте, а кіі подальше ховайте.— И тѣмъ кончается судьба виновнаго и рѣшеніе безъ всякихъ на бумагѣ судопроизводствъ, и если имѣеть виновный при себѣ деньги, то тотъ-часъ-же и платить обиженному сколько слѣдуетъ, если-же не имѣеть, то Кошевый призываєтъ Отамана обидчика курина тутъ-же при производствѣ суда стоящаго: ну пане Отамане, принеси за-разъ деньги изъ своего куриня и удовольствуй обиженного, а ты съ нимъ послѣ вѣдайся якъ хочешь и имѣешь право взыскать съ него.— Вотъ яки у насъ були суды и права по Запорожскимъ обычаямъ и хотя-бы на 1,000 или на 10,000 суммы въ тяжебныхъ дѣлахъ, то въ одну недѣлю времени все рѣшено будетъ и да-

лѣ волочится по судамъ нестанутъ. А такимъ-же образомъ и важныя преступленія рѣшалися, яко-то: воровство, грабежи и убийства и прочія беззаконныя дѣла, влекущія за собою смертную казнь.

V.

О СМЕРТНЫХЪ КАЗНЯХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

=

Всѣ козаки Запорожскіе обыкновенно принадлежали до Сѣчевыхъ куриней, въ коихъ было по 1000 и болѣе, какъ выше сказано, и какъ прозваніе куриня, напримѣръ Канивскій или Пластунівскій куринь прозывается, то такъ и козакъ по куриню называется, не только тотъ, который въ куринѣ на службѣ безотлучно находится; но и тотъ, который сидѣть зимовникомъ т. е. домомъ своимъ къ тому-же куриню принадлежить и именуется по тому куриню. Изъ сихъ козаковъ большая часть была холостыхъ, которые въ особенности отъ Сѣчи назывались: «сиромами» и занимались только въ свободное время отъ службы рыбною и звѣриною ловлею, а иѣкоторые были женаты и занимались у своихъ зимовникахъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ и другими разными хозяйственными промыслами; которые-же были холосты, но имѣли свои достатки, такъ-же занимались хозяйствомъ и имѣли свои зимовники

и челядь т. е. прислужниковъ. Всѣ-же козаки, живущіе по зимовникахъ безъ изъятія отбывали повинности до куриня и до Сѣчи, принадлежащія, яко-то: караулы, кордоны и въ случаѣ войны шли на сраженіе. Но изъ сихъ всѣхъ женатыхъ и сидячихъ въ зимовникахъ мало было преступниковъ; а холостые спромы сей участіи больше подлежали, ибо что въ лями по рыбальняхъ, или на звѣриной ловли загораютъ, то, все то чрезъ пьянство скоро и прогайнуютъ, и видѣ уже послѣ, что иначимъ похмелиться, да и нивиткия поживиться: заробитки ушли, а гроши пропили, то тогда уже неизбѣжно простираются и до дальніаго распутства и отваги самовольно, а воля и отвага: или « медъ пье, или кандалы тре», по пословицѣ. И когда уже сирома доходила до такого состоянія, то неудержно сіи шалуны пускались великими шайками на добычу, и начинали красть, грабить и убивать. Ибо они грабили чумаковъ на великихъ шляхахъ, дѣлали разбои надъ проѣзжими кунцами и драли ляхивъ и жидовъ у Польщи такъ сильно, что лахи отъ страха кидали дома и жилища свои и уходили до лясу во внутреннюю Польшу, за Варшаву, а жиды безъ вѣсти бѣжали и духу боялись Запорожскаго. Между сими Запорожскими шайками у каждой были « Ватажки » или Отаманы и по ихнему назывались еще « Характерники » т. е. такіе волшебники что ихъ ни какое огненное оружіе, ни пуля, ни пушка умертвить не можетъ; и

когда бывало деруть ляхивъ, по великимъ и богатымъ дворамъ, въ коихъ хотя на сей случай въ осторожность и весьма великое бываетъ количество сторожей и вооруженныхъ часовыхъ, то « Ватажокъ » такъ очаруетъ всѣхъ въ домѣ, что никто изъ нихъ не услышитъ и не увидитъ ни единаго козака изъ его шайки и тогда уже они берутъ, что хотятъ и возвращаются въ Сѣчь, а потомъ « дуванятся » т. е. дѣлятся добромъ, часть на козаки, часть на Ватажка, а часть на курину. Посему-то самому якъ видно, и некоторые куринные Отаманы дѣлали имъ поблажку, ибо не всякий Ватажокъ собравши шайку тайно, ходилъ на добычу; но большою частію за вѣдомомъ куриня, по той причинѣ, что когда бывало убирается Ватажокъ на добычу, и просить у Отамана козаковъ, то куринный Отаманъ приказываетъ Ватажкови: иу братчику, гляди-жъ, щобъ ты якого козака не утративъ; то тоди уже и до куриня не вертайся; сирѣчь: крадь, да кинци ховай. Тогда Ватажокъ надѣясь на свое характерство отвѣчаетъ Отаману: ии, батьку! будуть вси цили. И такъ сиромы до таковой степени шалостей по своему характерству доходили, что послѣ разбоевъ грабительствъ и убийствъ, дѣлали такія ище страшныя и безчеловѣчныя неистовства, что нельзя и говорiti и на бумагу положити. О семъ доходили жалобы не только до Сѣчи но и до Столицы, чрезъ что самое почти и Сѣчь атакована и уничтожена; а пре-

ступники тогда было, если поймаются въ воровствѣ, грабежѣ или убийствѣ, то судъ имъ коротокъ и не долго съ ними возятся по судамъ, а вдругъ рѣшаютъ ихъ и казнить въ Сѣчи или по Паланкамъ, смотря по преступлениямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибинницу, иныхъ убиваютъ кіями до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ на Сибирь. Воровство-же и грабежъ, если по жалобамъ открывается и виновнаго поймаютъ, то пополняетъ куринъ, къ которому виновный принадлежитъ, и если онъ у себя достатка неимѣеть, а отъ наказанія неосвобождается по праву приговора, чего достоинъ и тѣмъ обложеннаго на жалобѣ довольствуютъ, а убийство также замѣняютъ убийствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства. Первая казнь: шибиницы *), которые устроены были по разныхъ мѣстахъ надъ большими пля-

*) Отъ казней сего рода, по совершенномъ уже определеній виноватому, можно было избавиться однимъ только случаемъ: ежели дѣвушка объявить свое желаніе, выйти замужъ за преступника. Вотъ отсюда и вышло однажды доводомъ нечто смѣшное. Преступника вели уже на лобное мѣсто; несметная толпа зрителей сг҃довала за нимъ: какъ вдругъ, подъ бѣлымъ покрываломъ, встрѣчается дѣвица, которая всенародно обываетъ свое желаніе, выйти за осужденнаго замужъ. Разумѣется, вѣсъ остановилась и замолкли; осужденный требуетъ снять съ дѣвицы покрывало, дабы онъ могъ посмотретьъ на нее. Взглянула, и заговорилъ: ну, когда уже на такой жениться: то лучше умереть. Ведите меня. Что и послѣдовало. Пропащество сіе было въ г. Новомосковскѣ, въ тогданишней Запорожской паланкѣ, гдѣ мѣста шибинницъ и прочихъ казней, помял, еще некоторые изъ жителей указываютъ ихъ любопытнымъ.

хами, почти во всякой Паланкѣ, и преступника верхомъ подвезши лошадью подъ шибинницу, и накинувши на его голову сильцо, лошадь ударять плѣтью и она оттудова выскочить, а преступникъ повиснетъ; а иного вѣшали до горы ногами, а иного за ребро крюкомъ желѣзнымъ, и висеть преступникъ пока кости его разсыплются, въ примеръ и страхъ другимъ, и ни кто его оттуда снять несмѣеть подъ казнью смертною. Вторая казнь: острыя «пали» или столпъ деревянный вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, а на верху пали воткнутый былъ желѣзный шпиль тоже острый въ 2 аршина вышиною, на который шпиль насаживали преступниковъ, такъ что шпиль выходилъ на поль-аршинъ въ потылицу выше его головы, и сидѣть на томъ шпилѣ преступникъ дотоли, пока изсохнетъ и выкорениться якъ вяла рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣтъ, то онъ крутится кругомъ якъ мельница и торохтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю. Третья казнь: «кіі» Запорожскіе; они не такъ велики и толсты, а подобны бичамъ что у цѣповъ, коими хлѣбъ молотятъ; дубовые или изъ другаго крѣпкаго дерева нарубленные. Преступника вѣжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ Паланкахъ на площади, или въ базари, потомъ поставляютъ около его разные напитки въ кинвахъ к. т. горилку, медь, пиво и брагу, и накладутъ такъ-же довольно калачей и наконецъ принесутъ такъ-же нѣсколько оберемкивъ и кіивъ

и положать около столба гдѣ преступникъ, и призываютъ его ъсть, пити, сколько хочетъ,— и когда наѣстся и напьется, тогда козаки начинаютъ его бить кіями, такъ что всякой козакъ кто только идетъ мимо его, вышивши корякъ горилки, или пива, непремѣнно долженъ ударить его по разу кіемъ и когда ударить (де хто якъ попавъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговариваетъ: отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебе куринемъ платили. И потудова сидить или лежитъ преступникъ около столба, пока убьютъ его до смерти. Четвертая казнь: отсылка въ Сибирь, по обычаю якъ и Россія отсылаетъ преступниковъ. И за всѣми сими наказаніями и страхомъ въ бытность уже Кошевого Кальниша совершенно уже ихъ разбои смирили и прекратили злую волю; о чемъ и я (Коржъ) довольно помню, но Сечь уже ихъ неуцѣльла. Теперь скажемъ еще не сколько

VI.

О ЗАПОРОЖСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ И ОБРЯДАХЪ.

=

Обычай Запорожскіе чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большою частю на насмѣшку похожи.

1) Запорожцы всѣ вообще головы брили, и оставляли только одну чуприну (т. е. пучокъ не-

большой волосъ, или хохоль, отъ чего и всѣ малороссіане «хохловъ» назывались получили) надъ лбомъ и если оная чуприна отростаетъ большая и длинная, такъ что препятствуетъ зрѣнію глазъ, то они закладываютъ ея за ухо; иногда чуприну сию называютъ Запорожцы еще и «оселедцемъ». Бороды такъ же всѣ вообще брили, а усы оставляли и неподстригая оныхъ никогда, намазывали ваксою и закручивали въ гору до глазъ; а если у котораго козака очень велики и длинны вырастали, то закрутивши закладывали за уши, и сие учинь бывало въ великой модѣ, и поставляли себѣ за особенную казацкую славу и почтѣ.

2) Одѣяніе было у нихъ одинаковое у всѣхъ и по ранжиру т. е. одноцвѣтное, и именно: капитанъ, черкеска съ велютами, шаравары сіетовы, чоботы сапьянцы, поясъ шалевый и кабардинка круглая, во кругъ и навкрестъ обложена позументомъ; а для иенастыя, въ походахъ, имѣли шерстяныя, косматыя, бурки. А если выходятъ или выѣзжаютъ козаки въ парадъ, въ большие праздники къ церкви, или ъздятъ по гостямъ: то исправляютъ платье по достатку и весьма богатое, дорогое и разноцвѣтное, кто какое хочетъ, и называютъ оное по Запорожски—жупанами; ибо они любили очень щеголять и тщеславится. Что-же значать: велюты, сіета, сапьянцы, шалевый и кабардинка, о томъ поясняю въ слѣдующихъ словахъ. Велюты—назывались раз-

рѣзанныя въ доль, рукава, подъ мышками у черкески, а черкеска—верхняя одежда, пошитая по черкески вмѣсто плаща съ рукавами, по короче гораздо кантана, такъ, что всегда онъ видѣнъ былъ изъ подъ черкески; разрѣзки у рукавовъ длиною были на полъ-аршина и менѣе, и какъ сіи прорѣхи такъ и рукава по концамъ, а такъ же и вся черкеска въ подолѣ вокругъ обложены были золотымъ позументомъ, и потомъ велюты закидались назадъ, за спину и застегались рукава на плечахъ мѣлкими гапличками т. е. крючками. Сиета называлось самое тонкое и лучшее английское сукно—отъ русского слова сіяло. Сафьянци—чоботы, отъ слова сафьянъ, и называются по русски сафьяновые сапоги, пошитые изъ самаго лучшаго краснаго сафьяна. Шалевый поясъ значитъ шолковый, отъ польского слова шаль, которая диковина нынѣ только между панскими обычаемъ водится. Запорожская кабардинка значитъ шапка, отъ слова ногайского кабарга—лѣккой звѣрь, который водится около рекъ, поvezикимъ лѣсамъ и можетъ жить на сушѣ и въ водѣ, питаются раками, плодится и гнѣзда вьютъ въ землѣ подъ корчами лѣсовыхъ кореньевъ. Сихъ звѣрей было множество въ «Великомъ Лузѣ» во время Запорожья, да и нынѣ еще есть изрѣдка, въ низу, около Днѣпра. Кабарга совершенно похожъ видомъ на кошку, но гораздо толще, длиннѣе и ножки короче, по концамъ широки съ полотенцами какъ у утки, или у гуся, а хвостъ чрезвычайно дли-

ненъ и пушистъ, какъ и вся его кожа; цвѣтомъ молодой—сѣрой, а старой—черноватъ, на подобіе кувиццы. Сей звѣрекъ у Запорожцевъ назывался «видникою» или выдрою и кожа его была въ великой модѣ, а особенно для шапокъ и платили дорого не только Запорожцы, но и Лахи и Жиды;—а потому уже самому и вошли у Запорожцевъ въ обычай, что шапку — хотя бы изъ самаго простаго сукна или изъ кожи пошита была,—всегда называли кабардинкою.

3) Запорожскіе козаки въ разсужденіи всегдашей поѣздки, а особенно въ военное время и въ отрядахъ и посылкахъ, рѣдко имѣли особенные экипажи, кромѣ верховыхъ лошадей, на коихъ были седла дорогія съ разукрашенными чепраками и со всесю козацкою збрюю; съ переду седла пришиты были два кубура т. е. чехлы или футляры кожанные, для пистолей, а изъзади, въ торокахъ, увязана бурка и прочій самонужнѣйший припасъ. Амуницію и все военное оружіе имѣли они на лошадяхъ икъ-то: ратище (копье), саблю и 4 пистоля: 2 въ кубурахъ а 2 за поясомъ. На грудяхъ вмѣсто лядунки, вокругъ козака обвитъ широкій черезъ, или патронтаѣ, наполненный въ два или въ три ряда запасными патронами съ порохомъ и пулами. Ружей-же и пушекъ при сраженіи, у верховыхъ козаковъ, не было; а у потребляли они ихъ тогда, когда ходили на лодкахъ и дѣлали, подъ непріятельскими городами, вылазку; тогда и верховые козаки

спѣшивались и съедпнясь съ флотскимъ воинствомъ, давали артиллерию пособіе разными способами и орудіями.

4) При свиданіи и поздравленіи другъ друга, обычаи у Запорожцевъ были тоже мудреные, а особенно въ Сѣчи и по зимовникамъ, на прим. когда вздумаетъ одинъ козакъ, или многіе вмѣстѣ согласившись, поѣхать до другаго козака въ гости, до куриня или до зимовника, или и за другимъ какимъ нужнымъ дѣломъ ѻдутъ или по пути заѣзжаютъ на ночлеги, то здоровкаются т. е. одинъ другаго привѣтствуютъ такъ. Пріѣхавши во дворъ хозяйствій, сидя еще на лошадяхъ, одинъ изъ нихъ крикнетъ громко: « пугу ! пугу ! пугу ! » (т. е. здоровъ), три раза, разомъ и за однимъ духомъ; а хозяинъ куриня или зимовника отзыается къ нему въ окошко тоже: пугу, пугу, два раза, а пріѣхавшій гость отвѣчаетъ ему: « казакъ съ лугу , » наконецъ хозяинъ паки въ окошко крикнетъ: « повѣшайте тамъ, де и наши т. е. вяжите кони до ясель и просимъ до хаты. Тогда хозяйствіе хлопцы вдругъ выбѣгаютъ изъ зимовника или изъ куриня, принимаютъ отъ гостей лошади, въ свои руки, ведутъ въ конюшню до ясель и присматриваютъ за ними дотоли, пока пріѣзжіе козаки у хозяина гостевовать будутъ; потомъ гость или гости когда войдутъ въ хату то перекрестившись до иконъ, говорятъ къ хозяину: отаманъ, товариство, ваши головы ! и кланяются ему; тогда хозяинъ взаимно кланяется

нимъ и отвѣчаетъ: ваши головы, ваши головы ! прошу паны-молодцы сидати, и послѣ того пойдеть уже попойка меду, вина и горицки и прочаго, а чаю и пуншевъ и кофе у Запорожцевъ не водилось, кромъ варенухи, и то у богатыхъ и почетныхъ козаковъ. Варенуху варили пополамъ т. е. водку съ медомъ, клали въ нее перецъ и «сушь» изъ разныхъ фруктовъ, который напитокъ у Запорожцевъ быть въ великой модѣ, и за особенное угощеніе считаются, если въ чёмъ домъ варенухою подчуютъ. Наконецъ подгулявши, хозяинъ съ гостями и поговоривши, что треба, хорошенько, призываешь кухаря и приказываетъ ему варить обѣдъ или вечерю для гостей, а кухарь спрашиваетъ хозяина: щожъ батьку прикажите варить ? — Вари братчину тетерю до воды, на скору руку или до меду, бо теперь писный день ! — если случатся гости въ Середу или въ Пятницу , или въ посты , а въ скромные дни говорять: до молока, до масла тетерю. Когда-же гости погулявши день, или пѣсколько дней сряду, вздумаютъ ѻхать по домамъ, тогда благодарята хозяина : спаси батьку за хлебъ и за силь , поруже по куринямъ разѣзжаться до домиковъ; просятъ батьку и до нась, коли ласка, и оставайтесь здорови ! а хозяинъ имъ отвѣчаетъ: прощайте и выбачайте паны-молодцы, чимъ богаты, тымъ и рады ; просимъ не погибваться ! и потомъ гости выходятъ изъ куриня, а хлопцы хозяйствіе подаютъ имъ кони накормлены напоены и осѣд-

ланы. И сей обычай былъ у Запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и ко всѣмъ страннымъ людямъ и наблюдали сю страннолюбія добродѣтель, очень строго и неупустильно по ихнимъ преданіямъ. Сверхъ того въ обычаяхъ у нихъ было и то, что всякий козакъ а особливо между простыми т. е. табунщикъ, скотарь и чобанъ опоясывались ременными (кожаными) поясомъ и чрезъ плечо павѣшивали «гаманъ» кожаный, украшенный разными мѣдными серебренными и золотыми блестками, пуговицами, у коемъ гаманъ носили кресало, кремень и губку, у запасъ, для всякаго случая; а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всенепремѣнно—швайку для почники лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохраненія въ цѣлости ложки, что почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость; и то не козакъ, кто по обычаямъ непоступасть, и почитали его за самаго нерадиваго и неисправнаго пастуха. Ибо напримѣръ сказать, когда пастухъ или чобанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего коша до другаго сосѣдняго коша, по надобности, и пришедши туда если застанеть, что пастухи обѣдаютъ или вечеряютъ, то говорить имъ: хлѣбъ да спѣль паны-молодці! а они отвѣчаютъ ему: имо да свїй, а ты у порога постій. Ни братци! давайте и миши мисто, отвѣчаетъ гость, и вынимаетъ заразъ свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе

чобаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорять: отъ—козакъ догадливый и исправный! вечеряй, братчику, вечеряй...и даютъ ему мѣсто и привѣтствуютъ дружески. Если же, который звычая сего не знаетъ, сътого смѣются и называютъ олухомъ (дуракомъ). Когда же пастухъ пришедши или другой какой-либо гость не застанетъ ни бояла, ни вечери въ какое-бы ни было время, то тотъ-часъ Отаманъ Коша поздоровавшись съ гостемъ, по обычаямъ, приказываетъ кухарю своему варить тетерю, мамалыгу или милай и накормивши гостя спрашиваетъ: зачемъ прійшовъ? Что же значитъ кошъ, тетера и милай, о томъ поясню въ слѣдующемъ пунктѣ.

Во время Запорожья, до атакованія Сѣчи, не было никогда зимы холодной, и таковой никто незапомнишъ: а потому скотъ на степахъ лѣто и зиму кочеваль; для случающихся-же холодныхъ вѣтровъ и непогоды у пастуховъ были коши и котиги. Кошъ подобился палатѣ, обшить во кругъ полстями и устроенъ на двухъ колесахъ, дабы съ мѣста на мѣсто можно было его удобнѣе перевозить, куда надобность укажетъ; въ немъ была «кабица» для огня и пастухи отъ непогоды перегрѣвались и пересушивались и варили пищу для себя, а также и кормъ для собакъ. Тетерю они варили изъ ржаной муки и шпена, но прежде ея учиняютъ росчиню, какъ и тесто на хлѣбъ. Милай и мамалыга — все одно, и варили его изъ просянной муки съ одною во-

дою, несоливши, потому что кушаютъ его съ соленымъ сыромъ, или съ брынзою въ скоромные дни, а иногда и галушки варять съ постремою (съ бараниною). А также и коржи пекутъ было изъ пшеничной муки и называли онъя «загребами», потому что ихъ въ кобици, жаромъ и попеломъ загребаютъ, пока спекутся. А котига у нихъ называлась пребольшая арба, или воловый возъ на четырехъ колесахъ, въ которомъ возили за собою всю пастушью провизію, воду харч и дрова, и когда на одномъ «тырлѣ» пашу скотомъ или овцами потравлять, то переходятъ на другое мѣсто, ищутъ лучшей паши и такимъ-образомъ кочуютъ въ степахъ лѣто и зиму какъ дикие Ногайцы или Калмыки.

5) Козаки Запорожскіе, а особливо Сѣчовики, по вольности Запорожскаго духу, и веселаго характера имѣли, по звычаю своему, великую наклонность къ шуткѣ и насмѣшкамъ, такъ что съ самаго малѣйшаго случая, или поступка, или походки козака, вдругъ выводятъ великія нелѣпости и прикладываютъ прозвища одинъ другому т. е. даютъ мудреные названія и имена, случаю и поступкамъ соотвѣтствующія. Такъ напримѣръ: если какой козакъ отъ неосторожности спалилъ куринъ или зимовникъ, того называютъ Паліемъ; если который варить пищу и раскладаетъ огонь надъ водою, того называютъ Паливодою; если который ходить согнувшись отъ немощи или отъ природы, того называютъ Гор-

бачемъ; если который противу обычая, не теперю варить себѣ въ пищу а кашу, того называютъ Кашкою или Кашоваромъ. Если который козакъ необычно малъ ростомъ, того называютъ Махиною, а который самаго великаго росту, того называютъ Малютою; если который пророненъ и ходить скоро и идуши поскользнется и упадеть, того называютъ Слизькимъ; если который неуклюжъ и ходить нескоро, того называютъ Черепахою; а который худъ лицемъ и бесстыденъ, того называютъ Гнидою, и такъ даще. Отъ каковыхъ случаевъ и поступковъ и мой родной отецъ, отъ предковъ ведшій свою фамилію Жаданъ, въ Сѣчи получилъ название Таранъ, коимъ въ олѣйницѣ бывътъ олѣю, а крестный мой отецъ Качаловъ, получилъ прозваніе отъ качалки, коею платья качаютъ, и все по случаю; а равнымъ-образомъ и я Коржъ⁴ получилъ себѣ прозваніе отъ коржа такимъ-образомъ. Я съ молодыхъ лѣтъ былъ очень пророненъ и рѣзвъ; разъ бѣхавъ изъ Новыхъ-Кодакъ до Сѣчи, тоже съ молодыми хлопцами, мимо большой могилы, называемой Чертомлыкъ, не далеко отъ Сѣчи, гдѣ нынѣ Покровское, вздумалось намъ полюбопытствовать и взойти на самый верхъ этой могилы, на которую была тропинка утоптана, и когда мы взошли на могилу, и поглядѣвшіи съ оной сюды и туды начали опять возвращаться въ пизъ, то товарищи мои пошли по тропинкѣ, а я бросился на простецъ,

а какъ могила была весьма крутая и по оной сухой камышъ, а на ногахъ у меня были постолы скользкіе, то я поскользнувшись упалъ и съ самой вершины горы бокомъ катился до низу, якъ коржъ, и отъ того случая товарищи мои разсмѣявшись, назвали меня Коржомъ и прѣхавши въ Сѣчь, объяснили мое произшествіе всемъ куриннымъ козакамъ и крестному моему отцу Качалову, который сказалъ: да нехай же буде Коржъ: бо и мене Качалою прозвали за одну зробленную мною качалку; что будешь робить, коли тутъ такая поведенія! терпи хлопче, козакомъ будешь; а изъ козака попадешь и въ Отаманы: бо съ посміху люди буваютъ!

6) Теперь-же нѣсколько скажемъ о тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые были, по куринамъ, у Сѣчи. Сколько было числомъ куриней, о томъ выше сказано, ибо ихъ было 40, всѣ они выстроены были въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, и не такъ какъ обыкновенный куринъ или шашашъ настушій строится просто, но были рубленыя и изъ рѣзанаго лѣса, ибо «великій зугъ» на лѣсѣ быть достаточенъ; а притомъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда. Курины строились подобно трапезѣ, безъ всякихъ чулановъ и перегородокъ, такъ что внутри онаго, вокругъ, около стѣнъ, до самыхъ дверей стояли столы, а около столовъ, такъ-же вокругъ, скамы, на коихъ садятся козаки обѣ-

датъ, а первое мѣсто для Отамана было подъ иконами. Иконы были богатые и украшенные; оконки также были большія и частыя; вокругъ и во всякому куринѣ, по срединѣ висѣли великолѣпныя паникадила, а подъ иконами лампады, ковъ большие праздники были зажигаемы. Печи большія, для печения хлѣба, были особо отъ куриня построены и въ особомъ отдѣлении, а въ куринѣ одинъ только грубы т. е. манерныя печки—на манеръ аглицкихъ. Повары тоже были въ особомъ отдѣлении и варили пищу разную; но первая была: тетеря, рубцы, галушки и рыба «на стябло», а свинячу голову до храну, а иногда и лохину на перемѣну, и проч. и проч. що водилось по ихъ Запорожскимъ обычаямъ. Потомъ когда пищу изготавлять и время обѣдать: насыпаются (наливаются) кухари въ деревянные ваганы и ставлются на сырно, по всѣхъ столахъ, около которыхъ вагановъ ставлются въ рядъ и разные напитки: горилку, медъ, пиво и брагу, у большихъ конвахъ, тоже деревянныхъ, и вѣшаются на нихъ корзки, таковые-же, которые и назывались по козаки «михайлки»: ибо у Сѣчи рюмокъ и стакановъ не было. Когда-же козаки прийдутъ съ Отаманомъ въ трапезу, то помолившись Богу, садится Отаманъ на первое мѣсто у конца сырна подъ образами, а потомъ и козаки тоже садятся во кругъ столовъ и начинаютъ трапезовать; когда-же кухари подаютъ рыбу на стябло, то всегда по изнему обычай кладутъ

головы изъ рыбы передъ Отаманомъ, и сей обычай до рыбы касающейся по всѣмъ куринымъ и зпмовникамъ одинаковъ быль, послѣ же того, когда пообѣдастъ молятся Богу, и кланяются Отаману и другъ другу и благодарять кухаря: спасиби братчику ѹо нагодувавъ козаки! Наконецъ выходя Отаманъ изъ за стола кладеть копѣйку въ карнавку, а равно и всѣ кидають въ карнавку тоже по копѣйкѣ, а кто и больше, и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, а деньги карнавочные получаетъ кухарь, и покупаетъ въ базарѣ за оныя, что слѣдуетъ для трапезы съѣстное. Кушать варили въ Сѣчи, по куринымъ, всякой день три раза не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ или въ чугунныхъ, на кабици, а не въ печи.

7) Сѣчевые козаки занимались по обычаю и звѣриною охотою, рыбною ловлею; ибо въ великомъ лузѣ по причинѣ непроходимаго и густаго лѣса и сильныхъ камышей около озеръ и лимановъ водилось великое множество дикихъ звѣрей, якъ-то: оленей, козъ, свиней и лисицъ, а по степахъ такъ-же было премного волковъ, зайцевъ и бабаковъ, и за покупкою кожъ сихъ звѣрей, прѣѣжаютъ бывало промышленники изъ разныхъ мѣстъ, съ Малороссіи и Польши, въ ярманки до Сѣчи. А также и рыбные ловли у нихъ были чрезвычайныя, въ Днѣпрѣ, по озерамъ и по лиманамъ, а особенно въ Тилигульѣ, на Кинбурской Косѣ, около лимана и на Тендрѣ

такое великое изобиліе, что не только вся Украина Запорожская ѿ обогащалась но и Польша вся, и Гетманщина и прочие окличные жители довольствовались рыбою отъ Запорожскихъ рыбныхъ заводовъ.

8) Наконецъ слѣдуетъ объяснить еще и о томъ, что между Запорожскими обычаями были и благочестивые обряды, относящіеся до Христіанскаго закона и добродѣтелей. Ибо изъ козаковъ было очень много набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣпіе церковное, а особенно изъ престарѣлыхъ, кои ходили на всякое почти славословіе ежедневно, украшали церковныя иконы, исправляли богатыя хоругви и кресты, обогащали ризничныя утвари и церковныя св. сосуды драгоцѣнными каменьями и великолѣпными издѣліями, такъ, что во всей Россіи сдавали гдѣ была ризница превосходнѣе Запорожской ризницы *) и достатка церковнаго

*) Въ ризницѣ Покровской находилось: Евангелій большихъ и малыхъ, серебромъ окованныхъ, съ каменными при niektóryхъ. 11. Крестовъ серебряныхъ и деревянныхъ въ серебряномъ окладѣ, въ томъ числѣ одна серебряная доска, съ рѣзнымъ въ ней деревяннымъ крестомъ, и таблица серебряная, вызолоченная, на которой изображенъ Покровъ Божія Матери и Воскресенія Христова 37. Лампадъ восачихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты 29. Паникадиль большихъ серебряныхъ. 4. Потировъ серебряныхъ, дисковые, звѣздчатые, лжнѣ, чаши, чаюшки, сіальниковъ, кумановъ, кадильница, кружекъ и прочаго тому подобнаго 139. Подсвѣчниковъ 40. Вѣнцовъ и коронъ 69. Шать, или разъ на иконахъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ. 16.

на щотъ казны т. е. денежной суммы, по той причинѣ, что Запорожцы были большою частію холосты, а имѣли многія тысячи денегъ и многочисленное скотоводство по зимовникамъ, и по смерти козака все таковое имущество отпisyvaютъ бывало на церковь Сѣчевую и на монастырь *), который былъ въ той-же Сѣчи и надъ самою рѣкою Поднольною. Въ семъ монастырѣ былъ всегда одинъ настоятель и 12 человѣкъ монашествующихъ, въ числѣ коихъ были іеромонахи и іеродіаконы по ихнему чиноположенію, и имѣли какъ въ Сѣчевой такъ и въ монастырской церкви ежедневное седмичное служеніе, и сіи монашествующіе, какъ и настоятель въ случаѣ смерти ихъ, или перемѣны, по-

Царскія двери совсѣмъ слитыя изъ серебра и вызолоченные,	1.
драпою въ косовую сажень	
Медалей золотыхъ, большихъ и малыхъ, жалованійныхъ Запорож-	
цамъ за заслуги и при особыхъ случаяхъ, червонцевъ къ	
иконамъ правящійныхъ, всего	157.
Жемчугу мѣжакаго и крупнаго на иконахъ, интокъ	37.
Орѣховой наложеніи, черенашками и верговыми репейками оправ- ленный, отъ Іерусалимскаго Патріарха въ Запорожскую Сѣчь	
при посланій	1.
Ризъ и стихарей драгоцѣнныхъ, парчевыхъ и бархатныхъ съ	
орардами, подразшивками, полесами и поручажами, бояе	300.
И такъ всѣхъ вещей	841.

*) Въ Сѣчи Запорожской хотя и были действительные монашествующіе, присылавшіеся сюда изъ Кіево-Межигорскаго монастыря, однако же монастыря тутъ въ собственномъ значеніи не было, а былъ таковой, «войсковыи» называвшийся, на рѣчкѣ Самарѣ, который и до сихъ-поръ существует, именуется Самарскимъ. Описаніе сей обители изложено въ особенной книжцѣ изданной въ Одессѣ, въ 1838 году, подъ раззаніемъ: «Историческая Записка, о Пустыни-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ», 68 стр. in 8°.

свящаемы были въ Кіевской Лаврѣ и рѣдко изъ оной насылаемы были въ Сѣчь кромѣ настоятелей, ибо по произволу Кошеваго или Старшины, настоятель самъ, изъ Запорожскихъ козаковъ постригалъ въ монахи. Также и бѣлое духовенство, по Паланкахъ и по прочихъ мѣстечкахъ, гдѣ существовали церкви, производилось во священство изъ своихъ-же Запорожцевъ, ибо между ними таковые были грамотѣи, съ особенными голосами дарованіями, что и въ Лаврахъ и въ Столицахъ рѣдко отыскать можно бывало подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчи было разной величины довольно. Не только изъ поповицъ, которые проходили на своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но изъ панского поколѣнія образованные дѣти, возмужавшіе и по какимъ-нибудь случаюмъ, а особенно по преступленіямъ, стыдясь и боясь наказанія, бѣжали въ Сѣчь. Теперь опять возвратимся къ монастырю Запорожскому: онъ назывался и городкомъ или крѣпостію, ибо въ немъ было много строений Запорожскихъ пановъ (гдѣ и Кошевой жилъ) и для случая набѣговъ непріятельскихъ устроено быть крѣпостію и обставить вокругъ пушками, на высокомъ земляномъ валу расположеннымъ; сверхъ того городокъ совсѣмъ почти сторонъ окруженъ былъ рѣкою Поднольною, такъ, что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой вѣздъ съ огромною башнею и часовыми на ней козаками. Церковь

монастырская, а также и Сѣчевая были деревянныя и снаружи не такъ видныя. Объ они ни какихъ оградъ не имѣли. При Сѣчевой церкви выстроена была большая и высокая колокольня, въ особомъ однакожъ отдѣленіи отъ церкви, съ четырьмя большими отверстіями т. е. окнами, въ коихъ утверждены были пушки для стрѣльбы какъ во время набѣговъ непріятельскихъ, такъ и церковныхъ церемоній, изъ сихъ пушекъ по великимъ особымъ праздникамъ яко-то: въ день Пасхи, въ день Богоявленія и въ день храмовый, производили стрѣльбу; ибо въ нарочитые праздники особый и удивительный бывъ зрѣнію видъ, какъ въ разсужденіи церковной церемоніи, такъ и обрядовъ и обычаевъ козацкихъ. Напримѣръ скажемъ: въ день Богоявленія, всѣ Сѣчевые козаки со всѣхъ куриней безъ изъятія, а равно и изъ зимовниковъ и изъ заводовъ, гдѣ-бы кто ни былъ, собиралися въ парадъ и шли въ церковь при всѣхъ своихъ амуниціяхъ и оружіяхъ и со всемъ войсковою артиллерию на Іорданъ, пѣхота и кавалерія; а каждого курина особенная и раскрашенная знамена бывало везутъ на верховыхъ, живо и удивительно убранныхъ лошадяхъ, а равно и все войско разодѣто въ самое лучшее и богатое платье. И когда посыжаются къ церкви, то такое великое множество народа занимаетъ не только все пространство около церкви, но и

всю Сѣчевую чрезвычайно обширную площадь и стоять все войско, какъ конница такъ и пѣхота чинными и устроеннымъ рядами безъ шапокъ, дотоли пока окончится литургія; а по окончаніи оной выходитъ духовенство изъ церкви: настоятель въ переду съ крестомъ, а за нимъ и прочие соборно служащіе іеромонахи, по парно, и несутъ Евангеліе и иконы, во всѣмъ драгоцѣнно сияющемъ священнническомъ облаченіи, на водоосвященіе; а за ними и все Запорожское войско со знаменами и артиллерию идетъ рядами чинно, и пришедши къ рѣкѣ тоже становятся своимъ порядкомъ, какъ и прежде. Потомъ, когда кончится водоосвященіе и настоятель начнетъ, по обычаяу, погружать крестъ въ воду, тогда со всей артиллерию и со всѣхъ мѣлкихъ оружій ударять козаки въ одинъ выстрѣль залпомъ, такъ громко и сильно, что кажется вся земля вострепещеть и покроетъ всѣхъ зрителей дымомъ, какъ тьмою, что другъ друга невидять, по семъ на нѣсколько минутъ умолкнутъ и дымъ проносить вѣтромъ, а канонеры дожидаются трехкратнаго погружения креста и по окончаніи онаго начинаютъ уже жарить во вся тяжкая, сколько кому угодно, и потомъ вся толпа зрѣлицная расходится и возвращается всякъ во свояси, и тѣмъ кончается церемонія.

VII.

ОБЪ АТАКОВАНИИ СѢЧИ.

=

Сѣчъ атакована за блаженной памяти Екатерины II, въ которомъ именно году, за давностю не помню, но по щоту моему уже болѣе 50 лѣтъ тому. Она атакована генераломъ Текелемъ такимъ образомъ. Текелій пришедши съ вооруженною арміею къ Днѣпру отдалъ приказъ всѣмъ своимъ полкамъ,—раскомандировавши ихъ какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запорожью, въ одинъ именно день и въ урочное число т. е. на самую Тройцу, на зеленыхъ святкахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, заняли всѣ по Днѣпру Запорожскіе предѣлы. Самъ-же съ своею дивизіею и артиллерию, также въ тотъ самый день, приближился къ Сѣчи, и ставши за двѣ версты отъ оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки и велѣлъ выстроить въ линію всю свою артиллерию противу Сѣчи, не начиная однакожъ ни одного выстрѣла, а тоже и отъ Сѣчи не было никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій въ палаткахъ около Сѣчи, два дни, въ теченіи сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣстно уже всѣмъ, какъ Сѣчевому начальству, такъ и Текелію, что Россійскіе полки, заняли уже всѣ Паланки и слободы, всѣ мѣстечки и всѣ слободы, по всему Запорожью. Потомъ на третій уже

день послалъ Текелій своего курьера въ Сѣчъ и просилъ всю Старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи такового извѣстія собравши Кошовыи всѣхъ куриныхъ Отамановъ, въ сходку, начали совѣтоваться: адо панове-Отаманы, теперь будемъ робити; отъ Москаль у гости нась кличе! чи пидемъ, чи не пидемъ; чи отдамо Сѣчъ Москалеви, чи не отдамо?—Тогда Отаманы и Ватахки и прочие Характерники начали между собою бунтоваться; иные согласны были смириться, а иные противились въ надеждѣ своего характерства и говорили: нехай Текелій приведе еще стилько війска, якъ се, то мы всихъ въ пухъ розобьемъ; якъ мухъ передавимъ! чи то можно Сѣчъ и славное Запорожье Москалеви отдать за спасибо? сего николи, пока свитъ сонца, не буде!... ибо таковые отважники, были всѣ сиромы, бурлаки и не женаты, а притомъ и осѣдлостей ни какихъ не имѣли, потому и бунтовались. Но большая часть, какъ изъ Отамановъ, такъ и изъ богатыхъ козаковъ имѣя у себя женъ и дѣтей и прочія достаточныя обзаведенія по зимовникахъ, и разсуждала такъ: что хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагеряхъ и истребимъ безъ нужно, до ноги, но то бида, що ти полки, кои вступили уже въ наше владѣніе и заняли всѣ Паланки и слободы, услышавши наше сопротивленіе, разорять всѣ наши тамошніе пожитки, а женъ и дѣтей нашихъ безчеловѣчно уже предадутъ смерти, а потому и несогласны были,

на мнѣніе бунтовщиковъ отважныхъ. А сверхъ того и бывшій въ Сѣчи , Архимандритъ , услыша таковое ихъ нестроеніе и мятежъ , вышедши во всемъ священническомъ облаченіи изъ церкви , съ крестомъ , началь уговаривать мятежниковъ : убейтесь Бога ! что вы думаете дѣти ? вы Христіане и подымаете руки противъ Христіанъ ; вы Христіане и жаждете пролить кровь единоутробную ! убейтесь и престаньте отъ такового начинанія : видно уже судьба наша такова , и мы пріемлемъ , отъ Бога , достойная по дѣламъ нашимъ ! Вотъ вамъ крестъ , и Распятый на немъ , и если вы его не послушаете , то всѣ погибнете внезапно!...И отъ такового разительного увѣщанія , я думаю , говорить Коржъ , каменное сердце испустило-бы свои слезы , начали плакать не только мятежники , но и вся старшина и войско , и тутъ-же всѣ отвѣчали Архимандриту : ну панъ-отче , быть тому такъ ! зная ты , что сказати ; мы готовы за тебя и головы наши положить , не только послухати !—Ибо оно особенное имѣли къ Архимандриту уваженіе , а также и ко всему духовенству единственно за то , что Архимандритъ бывало съ прочими іеромонахами попремѣнно , всякое Воскресеніе и въ каждый праздничный день , говоривали имъ въ церкви проповѣди , напузсть , самими разительными , по ихъ малороссійскому штылю , выраженіями , а чрезъ то самое , Запорожцы и награждали духовенство и довѣріемъ и дарами очень щедро .

Теперь возвратимся и паки къ ихъ совѣту . Потомъ когда уже и по увѣщанію Архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всѣ къ единому мнѣнію склонились , то начали говорить Кошевому : ну батьку , вельможный пане ! теперь якъ хочъ , такъ и думай съ сими гостями , а мы готовы тебе слушать , чи идти , то идти ? — тогда Кошевой имъ сказалъ : нельзя братци нейти , бо вже се не дурица ! вы сами бачете , що москаль настъ отаковавъ кругомъ и артилерію на настъ всю вооруживъ ; уже се гости такіе , що пишовши до нихъ , врядъ-ли назадъ вси вернемось . Нобыть тому ! такъ ничего уже давше думать . Господы поможи ! дай Боже часъ добрый ; ходимъ панове Отаманы ; що буде , то буде , абыше буде такъ , якъ Богъ дастъ !—И потомъ взявши хлѣбъ и соль пошли всѣ къ Текелю въ палатку и поднесши ему оній говорили : кланяемся вашему превосходительству хлѣбомъ и силью !—Благодарю Запорожники за хлѣбъ и за соль ! отвѣчали имъ Текелій , и приказалъ слугѣ своему взять хлѣбъ отъ нихъ и потомъ распрашивалъ : кто у нихъ Кошевый и какіе по немъ первые чиновники и какъ прозываются ; и когда Кошевой стоя впереди , объяснился что онъ Калнышъ , а чиновники его—Судья Касапъ и Писарь Глоба , а прочие всѣ , указывая на Отамановъ , Куреніи Отаманы , тоже чиновники со всѣхъ 40 куриней . Тогда Текелій просилъ Кошеваго сѣсть , а также и прочимъ чиновникамъ даны были мѣста и

угостивши ихъ по приличию и распросивши, что слѣдовало, пошель съ ними въ Сѣчь, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительного войска, и вида что Запорожцы здаются ему добровольно, приказалъ въ ту же минуту закрыть свою артиллерию. И пришедши въ Сѣчь спросилъ Кошеваго: куда же ты меня, Кошевой, прежде поведешь у гости? — Тогда Кошевой поклонившись просилъ его въ своей куринѣ, и всѣхъ офицеровъ, и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ ваганахъ и корякахъ, а также съ ложками и тарѣлками деревянными. Покушавши Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервисъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнобразная, и спросилъ у Кошеваго: кто у васъ такую вкусную пищу варить? — Кошевый отвечалъ: у насъ есть, ваше превосходительство, у куриняхъ козацкихъ очень хорошие и искусные кухари. — Тогда Текелій просилъ Кошеваго, чтобы и ему отпустилъ такого одного кухаря и обѣщалъ положить ему хорошее жалованье; а Кошевому обѣщалъ дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ куриннымъ Отаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не ъели изъ корытъ, а изъ блюдъ. При сихъ рѣчахъ и обѣщаніяхъ Текелевихъ, одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куринныхъ Отамановъ, прозваниемъ Строцъ, обозвавшись сказалъ Текелію: ваше

превосходительство! хоть съ корыта, та до сыта; а хоть съ блюда, та до худа! — Тогда Текелій спросилъ Отамана: что это за нарѣчіе, я его не понимаю? Тогда Строцъ поклонившись ему началъ объяснять пословицу: извините меня, ваше превосходительство! вы трапезу изволите кушать изъ блюдъ, да лицемъ худы (ибо Текелій былъ хотя ростомъ и высокъ, но очень худощавъ), а мы изъ корытъ имо, да сыты: отъ, посмотрите добродію, на всихъ насть яки мы, и розбирайте мою пословицу. Мы всегда изъ корытъ илы, та у воли и свободы жили и ни якого горя не знали, а ваша жизнь була подъ страхомъ и трепетомъ подъ всякой часъ, такъ, что сегодня панъ, а завтра пропавъ, и каменные и золотыя блюда уже тогда ни въ пользу; такъ судите же милостиво, добродію, не правду ли я кажу? Тогда Текелій чуился пословицею и остроуміемъ Строца, и не только непрогнївался за то, но и много благодарилъ Строца, трепая его по плечу. — Ну, Строцъ! благодарю за пословицу, она такъ справедлива, что справедливѣ быть не можетъ и я никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати, и дѣйствительно бываетъ такъ, ты какъ у око вѣпилъ, по пословицѣ; прости Строцъ! — Текелій, по пересказамъ уже послѣ, его офицеровъ, такой былъ трусь и такъ боялся Запорожцевъ вдучи до Сичи, что рѣдко коли ивъ и пивъ, а во снѣ жахався, мовъ отъ переполоху: бо винъ уже добре знаявъ, что за цаця Запорожецъ.

порожцы и ишовъ къ нимъ вовсе противу своего желанія , принужденно и ожидалъ на всякий часъ смерти. Да и подлинно, если-бы Запорожцы по само-необходимѣйшимъ (какъ выше сказано) обстоятельствамъ добровольно Текелю не здалися, то никакое-бы войско ни подъ какимъ видомъ одолѣть ихъ не могло. Потомъ когда уже Текелій пообѣдалъ и распостился съ Кошевымъ и Отаманами , то долго еще любопытствовалъ по всей Сѣчи и осматривалъ всѣ курини Запорожскіе и всѣ ихъ пожитки , а наконецъ возвратился въ лагерь и стоялъ въ ономъ болѣе недѣли ; въ теченіи этого времени офицеры Русскіе и солдаты приходили въ Сѣчъ , а козаки и Отаманы посѣщали ихъ лагеріи, и другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно. Послѣ того Текелій призвавши къ себѣ Кошевого , Судью и Писаря и прочитавши имъ именій Высочайшій указъ , велѣлъ имъ всѣмъ троимъ готовиться къ Императорицѣ въ Санкт-петербургъ , куда въ скорости и были отправлены , но не всѣ , ибо Судья Карапъ , до отѣзда еще , въ скорости заболѣвши , умеръ и похребенъ въ Сѣчи , а отвезены только два т. е. Калнышъ и Глоба. Текелій же принявши всю Запорожскую налестину въ свое правительство , привелъ всѣхъ Запорожцевъ къ присягѣ и устроивши всѣ свои породки , какие слѣдовало , тогда уже сталъ быть безопасенъ ; однако находился все еще въ лагеряхъ. Между симъ временемъ войско

Запорожское видя , что Старшина ихъ отправлена въ столицу , а заведенные Московскіе обычай и порядки не по ихъ вкусу , сильно поколебались и начали козаки думы думать , да гадать : якѣ-бы Москала у шоры убрать , а самымъ де-сь дальше мандривать ; и придумали вотъ що. Собрали прежде 50 человѣкъ козаковъ и послали къ Текелю съ хлѣбомъ и силу у гости , которые пришедши къ нему говорили : кланяемся добродію хлѣбомъ и силу !— Благодарствую , благодарствую , Запорожники , за хлѣбъ и за соль ; что вы миѣ скажете ? спрашивалъ ихъ Текелій. А отъ що , добродію ! мы чули , що намъ уже безъ письменнаго вида и билетивъ неможно никуды изъ Сїчи отлучатыся !.. такъ , такъ , Запорожники , не отлучайтесь никуда безъ вѣдома моего.— Та для тогожъ-то , пане , вѣдома мы и пришли , щобъ намъ хоть одинъ билетъ на всихъ написали : бо мы будемъ купы держатися и никуды врозь не проспивемось.— Хорошо , хорошо , продолжалъ Текелій , да какъ-же у васъ прежде-то было ? примиливъ онъ. Та у насъ , пане , сихъ билетивъ николи небувало , ни батьки , ни диды наши ихъ незнали , да и прадиды не чували , и кто куда хотивъ туда и ишовъ и ихавъ.— Да куда-же вы теперь хотите идти съ билетами , спросилъ опять Текелій , и за чѣмъ ?— въ Тилигуль добродію на заробитки , до «лямы» , бо въ насъ , проклята мати ма , ни сорочки , ни штаны , якъ бачишъ , голая сирома : а щежъ треба буде , може коли

нибудь и подушне заплатиты, та и панамъ трохи у дѣлти? — Тогда Текелій громко размѣялся и захочоталъ, потомъ сказалъ имъ: ступайте, Запорожники, съ Богомъ, заработывайте себѣ, да и въ казну-ту собираите.—Чуемъ, добродію, чуемъ! и поклонившись всѣ козаки ему разомъ, пошли въ полковую его канцелярію, а Текелій привавши адъютанта, велѣлъ выдать имъ билетъ одинъ, на всѣхъ 50 человѣкъ. Когда-же сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билеты, то собравшись со всею своею амуницією и харчовыми клунками, взяли съ собою нѣсколько лодокъ, по числу гребцовъ, тоже нагруженыхъ экипажомъ и сѣвиши въ оныя тайно, почью, не только тѣ, кои имѣли билеты, но и безбилетныхъ столько забрали, сколько въ лодкахъ помѣститься могло, можетъ быть до 1000 человѣкъ, и зашумѣли въ визъ, до Тилигула. Потомъ спустя нѣ сколько дней пришли и еще 50 человѣкъ къ Текелію за билетомъ, и получивши билетъ, такимъ же порядкомъ сдѣлали какъ и первые, не забывъ взять съ собою и безбилетныхъ сколько помѣстить могли. Такимъ образомъ видя козацтво, что въ билетахъ имъ никому отказа нечинять, пришла и еще часть войска, въ третій разъ, и просили тоже билета какъ и прочие, до Тилигула, и получивши оный, невыступили изъ общаго хитраго своего умысла ни на черту, какъ выше сказано: уѣхала также и сія козацкая шайка, какъ слѣдуетъ, по надлежащему. Каковымъ спо-

собомъ и порядкомъ и вся уже сирома со всѣхъ 40 куриней, получая билеты подъ предлогомъ Тилигула, убрались почти вся подъ Турка, кромъ слѣпыхъ, кривыхъ и престарѣлыхъ. По каковымъ случаямъ видя Текелевы офицеры, что Сѣчъ остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сѣчи нѣтъ никого козаковъ, и рассказали ему всѣ ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, по поздно, и спрашивалъ офицеровъ: да гдѣ жъ тѣ, да гдѣ жъ тѣ и куда ушли, вѣдь они просили билетовъ въ Тилигуль, на заробитки? — Потомъ сильно осердясь пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ, что ни съ кѣмъ не говорилъ и никуда невыходилъ чрезъ цѣлый толь день. Какъ вдругъ являются и послѣдніе еще оставшиеся Сѣчовые козаки, очень уже малое ихъ количество, человѣкъ около 10 и кланяются съ хлѣбомъ, по обычая, и говорятъ Текелію: повели и намъ, вельможный пане, выдати билетъ на заробитки! — Да вамъ куда уже билеты, злыѣ Запорожники? съ гнѣвомъ отвѣчалъ Текелій — въ Тилигуль, пане, до ламы, въ Тилигуль! — все въ Тилигуль, все въ Тилигуль, такіе вы и разтакіе, а городъ пустой оставили; не велю вамъ никому билетовъ выдавать! — И согналь ихъ съ глазъ, однажды и сія послѣдніе, хотя и безъ билетовъ, такие закивали пятами, въ слѣдъ за своею спромою, и подяковали Текелію за хлѣбъ

и за силь. Наконецъ Текелій приказалъ призвать къ себѣ всѣхъ куриныхъ Отамановъ; но ихъ пришло къ нему не болѣе десятка, коихъ онъ спросилъ со гнѣвомъ: что жъ вы пришли ко мнѣ не всѣ? — Якъ-же намъ пане всимъ прійти, что нима никого по куриняхъ! — Да гдѣ-жъ они; что ихъ нѣть? — Отаманы, пане, разѣхались по зимовникамъ, а сирома безъ вѣсти розбрелась, да и мы думаемъ по домамъ: чого мы тутъ будемъ, и кимъ будемъ командовать: Старшину у насъ отобрали, а козацкаго войска нема! — Да гдѣ-жъ ваше войско, вскричалъ Текелій, и гдѣ ваши козаки? — Якъ пане, де, а же-жъ вы имъ билеты подавали на заробитки, туда де рыба ни почему, — чи въ Тилигуль, чи що? Тогда Текелій сильно осердясь накричалъ на Отамановъ и выгналъ ихъ изъ палатки, и наконецъ проживши еще около Сѣчи нѣсколько времени, того-же лѣта уѣхалъ въ Столицу, а войско его стояло сѣмь лѣтъ въ предѣлахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердились обычаи Московскіе. Вѣтъ какимъ образомъ знатная козацкая Сѣчь атакована и славное Запорожье воспріяло конецъ самоправію! Ёжавшіе-же Запорожцы изъ Сѣчи, подъ Турка, приняты Султаномъ подъ свою державу и велѣно поселить ихъ у устья Дуная, близъ Чернаго моря, на самой лучшей и выгоднейшей для нихъ землѣ въ разсужденіи рыбной и звѣриной ловли, а также и прочихъ выгодъ, и находились тамъ до нынѣшняго времени, по 1850

годъ, слишкомъ 50 лѣтъ, даже до послѣдней Турецкой войны, и по некоторому случаю во время той-же войны передались опять подъ Россійскую державу, подъ предводительствомъ Кошового Осипа Михайловича Гладкого и находятся нынѣ — одна часть изъ нихъ по квартирахъ, въ разныхъ селеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда, а другая часть военныхъ козаковъ, въ походѣ, на Турецкой границѣ.

VIII.

О НАЧАЛЬ ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

=

Начиная отъ давнихъ временъ Запорожскихъ, Екатеринославъ имѣть уже четвертое название: 1-е было Половица *), 2-е Екатеринославъ, 3-е Новороссійскъ, а 4-е опять Екатеринославъ. Но прежде скажемъ о Половицѣ. Когда зашли предки мои въ сюо украину, въ Новые-Кодаки, какъ выше сказано, то на мѣстѣ сѣмъ не болѣе было шести хатъ и жили хозяева зимовниками: первый прозваніемъ Крошко, а имя упомнилъ; второй За-

*) О причинѣ названія Половицы смыть имевемъ, много бываетъ разговоровъ между Екатеринославцами, любящими и понимающими цѣну старины. Большая часть изъ нихъ полагаютъ, что Половица названа такимъ образомъ отъ самого первого ея обывателя, который вѣроятно прозывался Половикъ. Такъ точно и другія многія селенія по Екатеринославской губерніи отъ своихъ коренныхъ жителей имѣ свое занязи. Напримѣръ: Гусаловка отъ Гуала, Котовка отъ Кота и проч.

порожецъ Андрей Токарь ; а третій, Лазарь Глоба. Крошко жилъ на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ гимназія. Токарь жилъ гдѣ нынѣ домъ штабъ-лѣкаря Роде *), а Глоба жилъ на томъ самомъ мѣстѣ , гдѣ нынѣ Свѣтлѣшаго домъ и казенный садъ , внизу надъ Днѣпромъ, подъ скелею , гдѣ его и мельница **) была , одна на каменяхъ устроена , а другая байдашная для фолюшой , въ коей валили сукна ; съ нимъ т. е. Глобою и еще жилъ одинъ козакъ женатый , Игнать Сидоровичъ Каплунъ ; а тутъ же и мой собственный (Коржевъ) домъ былъ и мы жили всѣ трое съ своими семействами въ одной хатѣ подъ одною крышою , въ коей было два отдѣленія т. е. двѣ избы . На томъ самомъ мѣстѣ и на тѣхъ пецищахъ , гдѣ общій былъ нашъ домъ , нынѣ уже устроена караулка , для

*) Домъ лѣкаря Роде , находится противу нынѣшней Екатеринославской Семинаріи , которой и принадлежитъ , на другой только сторонѣ дороги , лежащей между семинаріею и домомъ Роде.

**) Мельницы тутъ теперь ни какой нѣть и быть не можетъ , потому , что вода въ каждое лѣто оскудѣваетъ такъ , что по дну пролива ъздятъ въ сухое время на телѣгахъ и собираются для строеній подводный камень : чего прежде нельзя было дѣлать . по всегдашнему великому изобилію воды и по стремительному оной течению . По причинѣ сей и предполагаю Свѣтлѣшій Князь Потемкинъ , сѣять тутъ подъемный мостъ , чтобы чрезъ онійходить съ праваго берега Днѣпра на такъ называемый островъ Монастырскій , гдѣ расположалъ учредить Екатеринославскій Университетъ . Строенія университетскаго въ Екатеринославѣ не начинали : но профессоры для онаго действительно уже назначены были ; и получали изъ казны жалованье . Въ томъ числѣ состояли : профессоръ Сельскаго Хозяйства М. Левановъ , авторъ « Наставленія къ умозрительному и дѣлоизводному землемѣрю » , изд. въ Санктпетербургѣ , 1788 года въ 2-хъ частяхъ , in 8° . Сартій , титуловавшійся директоромъ Екатеринославской музыкальной академіи въ др.

сторожей и часовыхъ солдатъ , кои теперь караулятъ казенный садъ , и живутъ въ караулѣ у берега надъ самымъ Днѣпромъ . А что сказано о моемъ жительствѣ , гдѣ нынѣ Михайловка , по рѣчкѣ Сурѣ , то дѣйствительно тогда за давнихъ временъ Запорожскихъ владѣлъ и я тѣмъ участкомъ , и имѣлъ тамъ зимовникъ и скотоводство , а тутъ тоже имѣлъ домъ съ Глобою . Сей Глоба былъ не женатъ и перешедши сюда на жительство изъ Новыхъ-Кодакъ , въ коихъ имѣлъ онъ челядь , до 15 человѣкъ портныхъ , занимался также и садоводствомъ , и мы съ нимъ въ двоемъ , по всей горѣ нашего участка разсаживали деревья *). И сей нынѣ называемый казенный садъ , гдѣ Потемкина домъ , первоначально нами разведенъ былъ ; а какъ мой товарищъ , вышеупомянутый Глоба , былъ охотникъ до садоводства , то занялъ и еще небольшой участокъ для саду , недалече отъ насъ , около озера , вверхъ по Днѣпру , гдѣ нынѣ фабрики ; засадивши садомъ оній участокъ , потомъ занялъ и еще столько-же мѣста какъ и прежде и разведши по всей той плошади удивительный садъ , въ томъ мѣстѣ скончался отъ глубокой старости и погребенъ въ саду , живъ болѣе 100 лѣтъ на свѣтѣ . Нынѣ на

*) Есть точно и нынѣ тутъ деревья . Они довольно толсты и высоки — осокорь , по большей части . Вода весною ихъ подмываетъ ; оттого они падаютъ , и тѣмъ голь отъ году убавляются , тѣмъ паче , что немалое число деревъ , въ предыдущихъ годахъ , по распоряженію городскаго начальства , срублено .

томъ самомъ мѣстѣ обзаведенъ тоже казепный садъ и зрится доселѣ еще надъ гробомъ его каменный столбъ *), вмѣсто памятника. О про- чихъ-же трехъ козакахъ, кои жили здѣсь, по соѣдству съ нами, зимовниками, а равно и о именахъ ихъ и прозваніяхъ, за давностію уже не помню. Но возвратимся опять къ Половицѣ: отъ чего она получила свое название?—Въ сихъ мѣстахъ, начиная отъ Старыхъ-Кодакъ, какъ я еще помню, и до Новыхъ, по всей горѣ, простирающейся по надъ Днѣпромъ, были чрезвычайно великие лѣса и густыя чагарники, между коими чагарниками были и поляны сѣнокосные, кои въ разсужденіи малаго числа жителей и не бывалыхъ еще до того времени зимъ, никогда неискашивались и хлѣбопашествомъ не заставались, по каковымъ причинамъ грунтъ земли на оныхъ полянахъ отъ древности сильно утвердившись, таковое множество производило полуницъ т. е. ягодъ полуничныхъ, что отъ изобилия оныхъ всѣ окрестные жители въ удивленіе приходили, и ни кто ихъ собрать не могъ. И если бывало оные поспѣютъ и захочетъ кто изъ любопытства проѣхать повозкою чрезъ тѣ поля, то всѣ колеса такъ сдѣлаются мокры, какъ отъ воды, а краскою покрыются, будто краснымъ сафьяномъ обшиты; отъ какой чрезвычайной и неслыханной рѣдкости и удивленія людскаго

* Столбъ каменный точно есть.

названо и мѣстечко оное отъ предковъ нашихъ, Запорожцевъ, Половицею, въ коей множество было полуницъ. Теперь слѣдуетъ сказать еще и о Новороссійскѣ. Половица и по атакованіи еще Сѣчи долго существовала, даже дотоль, пока Кременчугская губернія переведена была въ Половицу и переименована Новороссійскою губерніею, и какъ-бы имѣла иѣкоторое состязаніе съ Новороссійскомъ и долго ему противилась, по той причинѣ, что городъ получившій название Новороссійска *), построенъ былъ прежде не на мѣстѣ Половицы, но по ту сторону Днѣпра, при самомъ устьѣ рѣчки Самары, гдѣ нынѣ Горынь и оставался на томъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ лѣтъ. Ибо когда умножилась вода въ Днѣпрѣ и въ Самарѣ, во время сильнаго половодья (не помню въ какомъ году), по причинѣ низменнаго и не такъ выgodнаго для города тамъ мѣста, весь Новороссійскъ покрытъ былъ водою, а потому уже и принужденъ со всѣми правами и судами т. е. присутственными мѣстами, перенестися въ Кременчугъ, въ старое свое мѣсто. И когда же Новороссійская,

*) Повѣствователь здѣсь погрѣшаєтъ. Новороссійска на устьѣ рѣчки Самары никогда не было, а былъ Екатеринославъ, губернійский городъ Азовской губерніи. Сей Екатеринославъ вовсе упраздненъ, и поставленъ вмѣсто его, на самомъ Днѣпре, другой Екатеринославъ, который и нынѣ тамъ существуетъ. Онъ то переименованъ былъ при Государѣ Императорѣ Павле въ Новороссійскъ, но при Государѣ Императорѣ Александрѣ получилъ прежнее свое имя.

но Кременчугская стала быть опять губернія, то Половица все еще не теряла своего титла и славилась старѣшинствомъ своимъ до позднихъ лѣтъ, т. е. по 1786 годъ *), даже до самаго прибытія Императрицы въ здѣшнюю украину и до устроенія города Екатеринослава. И когда она увидѣла, что Половица между Кременчугомъ Новороссійскимъ и Екатеринославомъ, какъ-бы не утратить держать, то и сказала, кому Богъ прежде поможе, того и она сторону возьметъ. Теперь надобно намъ возвратиться къ обуреваемому волнами Новороссійску, ибо онъ освободясь отъ потопленія со всѣми высшими правами укрылся въ Кременчугскомъ пристанищѣ, а низше его суды, какъ-то: уѣздный, земскій и полиція, неубоясь водного естества оставались тутъ-же на Самарѣ, и во время половодья и не далеко оттолѣ въ Новоселицѣ, противу быстроты рѣчной, какъ-бы на быстрыхъ крыльяхъ перелетѣли, ибо Самара, послѣ Запорожья, по распоряженію губернскаго начальства Новоселицею переименованная, получила уже себѣ новое Россійское название, и по учрежденіи въ ней уѣзда Новомосковскаго, самый городъ, въ разсужденіи своей судебной зависимости принадлежалъ тогда къ Кременчугской губерніи, а не къ Новорос-

*) Прибытіе Государыни Императрицы Екатерины II, въ здѣшнюю украину было въ 1787 году. Тогда и заложена въ Екатеринославѣ соборная Преображенская церковь.

сійской; и такъ Новороссійскъ славившійся своими преимуществами и торжествовавшій надъ Половицю, утратилъ на всегда свое достоинство, невозвратно. Наименование же его было Новороссійскъ, по мнѣнію моему, отъ слова Новая Россія, ибо вся сія Украина, и вся палестина со всѣмъ трехъ губерній состоящая, не есть издревле собственно наша земля, но чужая и чужихъ владѣльцевъ и въ послѣдствіи времени разными способами, случаями и разными Россійскими Царями приобрѣтена, завоевана и присоединена вновь къ истой нашей Россіи, отчего и названа Новороссія или Новая Россія; а следовательно и Новороссійскъ городъ, отъ сего названія воспріялъ свое начало. Наконецъ узнаемъ и о существующемъ нынѣ Екатеринославѣ (о коемъ и рѣчь наша): по каковому случаю и онъ получилъ свое наименование. Но послику между сею эпохою шествовала Екатерина по всѣмъ Россійскимъ городамъ и областямъ, то и мы также начнемъ прежде, о семъ, повѣствованіе наше.

IX.

О ПУТЕШЕСТВІИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

=
Когда блаженной памяти Императрица Екатерина II, изволила выѣхать изъ столицы

въ 1785 году *), для обозрѣнія и посѣщенія всѣхъ вѣрноподданныхъ чадъ своихъ, то не подобало-ли быти всѣмъ имъ бдящимъ и чающимъ пришествія господа своего, и не довѣдѣли быти въ готовности къ принятію такового рѣдкаго и великаго гостя? Дѣйствительно должны были всѣ быть во всякой исправности, ибо мы (просто реші) суще и сынове Господа, но обязаны другъ другу каждому воздавати должна, по реченному, кольми-же паче царскому лицу, яко помазаннику Божію, подобаетъ всякая честь и слава. Потому уже не только во всѣхъ Россійскихъ губерніяхъ и городахъ, гдѣ были назначены станціи и перепочивки, устроены царскіе гостиные и великолѣпные дворцы и по всѣмъ трактовымъ мѣстамъ, расчищены были трактовые дороги и устроены версты надлежащимъ порядкомъ; словомъ, все приведено было въ наилучшій видъ благопристойности. Такжѣ и въ Малороссіи, начиная отъ предѣловъ ея, примыкающихъ къ Россіи, до самаго Киева, вдоль по трактовымъ мѣстамъ, расчищены были большія дороги, а гдѣ лѣсныя мѣста — дѣлали просѣки и по всѣмъ трактовымъ большимъ дорогамъ, съ обѣихъ сторонъ ставили частыя кучки, а въ иныхъ губерніяхъ вместо кучекъ, дѣлали земляныя треугольники, по гетмански называемые

*) Ошибка относительно года путешествія Императрицы замѣчена выше.

«брылики или брыли», въ коихъ кучахъ и треугольникахъ насаживали разныя деревья, по обѣ стороны дороги, отъ чего видъ былъ чрезвычайный, какъ на картинахъ. Изъ числа сихъ деревьевъ, въ иѣкоторыхъ мѣстахъ и до днесъ еще многіе существуютъ и поросли очень велики, толсты и высоки. Въ здѣшней-же украинѣ т. е. въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, по грунту земли и достатку дикаго камня, были поставлены, на трактовыхъ дорогахъ, высокіе каменные мили, одна отъ другой въ 10 верстахъ; иѣкоторые изъ нихъ и досель по Херсонской дорогѣ видны и называются памятниками Потемкина *), поелку онъ приказалъ ихъ въ тѣ времена устроить. Потомъ, когда уже Императрица взволила выѣхать изъ Россіи, въ Малороссію, то прямымъ путемъ достигла даже до самаго Богоспасаемаго града Киева, гдѣ посѣщала храмы Господни и святые мѣста, въ которыхъ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ, и потомъ осмотрѣвши всѣ достопамятности, древнаго и славнаго города Киева и всѣ мѣстоположенія онаго, заблагоразсудила въ ономъ остаться, на все зимнее время. Новороссійская-же наша Украина, бывъ предварена о прибытіи Императрицы въ Киевъ, также

*) Таковая мила находится и въ Екатеринославѣ, подъ Соборной Преображенской церкви. Она стояла на земляномъ курганѣ, который потомъ въ 1834 году срыть, и мила, вмѣсто того, обѣдана камнемъ съ желѣзнымъ бастионадомъ.

была во всей исправности, относительно встрѣчи Государыни. По предписанію, указомъ Кременчугской губерніи, Ново-Кодацкому городничему Василію Ильичу Шостику, выстроенъ былъ въ Новыхъ-Кодакахъ великолѣпный царскій дворецъ; но приставники онаго или смотрители, когда начали окуривать внутрь онаго комнаты, какими-то благовонными ароматами, то по неосторожности зажгли комнату, и весь царскій дворецъ обратили въ пепель. Когда было донесено Императрицѣ о згорѣвшемъ дворцѣ, то она указомъ повелѣла, чтобы таковой-же дворецъ, выстроенный въ Малороссіи, надъ рѣчкою Орелью, въ мѣстечкѣ Царичанкѣ, разобрать, и перевезти въ Новые-Кодаки, и поставить опять на томъ-же мѣстѣ, что было и учинено вскорѣ по той причинѣ, что Императрица не располагала уже быть въ Царичанкѣ, а предположить былъ ей путь особый. Ибо она, по окончаніи зимы, въ слѣдующую весну, когда отправилась изъ Киева, то изволила шествовать не сухопутемъ, а водою, въ низъ по Днѣпру, на великолѣпномъ и разукрашенномъ фрегатѣ, со всею царскою свитою, и продолжала свой путь на такихъ водоходныхъ судахъ до самаго Кременчуга, а оттоль и до нашихъ предѣловъ. Но по причинѣ весеннихъ непостоянныхъ вѣтровъ и сильныхъ непогодъ, не могла достигнуть до Новыхъ-Кодакъ, водою, а выше Романкова, противу дачи помѣщика Сошина, вѣмѣла выгрузиться на

сухопутье и въ каретѣ уже изволила прибыть къ царскому Ново-Кодацкому дворцу. Съ нею прибылъ вмѣстѣ и Римскій Императоръ Йосифъ и свѣтлайшій Потемкинъ. Римскому Императору отведена была квартира, въ домѣ священника Кодрата, — этаѣтъ домъ еще и по сіе время существуетъ; а Потемкинъ былъ въ царскомъ дворцѣ, въ особыхъ палатахъ. И такъ Императрица изволила пробыть въ томъ царскомъ дворцѣ болѣе недѣли, дожидаясь своихъ водоходныхъ судовъ и всей царской свиты; между симъ временемъ посѣщала она Половицу и весь мѣстоположенія въ окрестности оной обозрѣвала. Здѣсь-же въ Новыхъ-Кодакахъ, у берега рѣки, до прибытія Императрицы, выстроена была по повелѣнію ея, высокая башня, для пристани судовъ, родъ колокольни, безъ верха, съ малымъ куполомъ, наподобіе маковки, и едѣланъ былъ изъ башни, на рѣку Днѣпръ, деревянный небольшой мостъ, сажня на три длиною, въ воду; вся-же башня расписана была разными цветами. Потомъ когда уже пришли царскіе суда до Новыхъ-Кодакъ и стали на якоряхъ, по всему Днѣпру, противу выстроенной башни, то видъ казался взору чрезвычайно удивительнымъ, поелику весь Днѣпръ украшенъ былъ разныхъ цветовъ, на судахъ, распущенными знаменами. Когда донесено было Императрице, что суда прибыли къ Кодацкой пристани,

то въ туже минуту, велѣла она Потемкину спросить здѣшнихъ Стародо-Кодацкихъ и Камянно-лоцманскихъ лоцмановъ: могутъ ли ея суда пройти чрезъ пороги? и когда было сіе учинено и лоцманы Старо-Кодацкіе осмотрѣли, въ присутствіи Потемкина, царскія суда, то отвѣчали Потемкину, что ни одно судно, чрезъ пороги пройти неможеть, по той причинѣ, что суда были всѣ съ деменами, т. е. съ рулями, кои очень глубоко идутъ въ водѣ; а просили Потемкина, чтобы позволено было всѣ рули выбросить, а придѣлать стерна, т. е. опачины, или длинные веслы. О каковыхъ всѣхъ обстоятельствахъ Потемкинъ, объяснившіи Императрицѣ, велѣлъ демена отбросить, а стерна вѣлѣвать; что было и учинено. Тогда Императрица вздумала и сама, первое, осмотрѣть башню, которой она еще не видала; а второе, поглядѣть и на стерна, для чего приказала свѣтлайшему, чтобы одно судно, въ коемъ она изволила путешествовать, придвинуто было къ башнѣ, до самаго мосту, и затѣмъ пріѣхавши съ Римскимъ Императоромъ къ пристани и вышедши изъ кареты, осматривала башню, и прошли воротами сквозь донную, дойдя по мосту до судна, осмотрѣвъ стерно, удивлялась много. Ибо она еще никогда таковыхъ орудій, на простыхъ судахъ не видѣла и сказавъ: можетъ ли судно такою чудной лопатою исправно дѣствовать, и пройти чрезъ пороги? тотчасъ

приказала двинуть судно въ походъ и дѣйствовать онымъ сюда и туда, для пробы, и пристать къ мѣсту, гдѣ оно и прежде было. Когда увидѣла, что здѣшніе Камянно-лоцманскіе и Старо-Кодацкіе лоцманы, сидѣвшіе тогда на ономъ суднѣ, управляютъ лопатою, самымъ чуднымъ, проворнымъ и удивительнымъ образомъ, то улыбнулась и была очень довольна распоряженіемъ Потемкина, и велѣла ему спросить, кто между ними т. е. между лоцманами по старшине и кто называется у нихъ отаманомъ и замѣтить имя и прозваніе. Что было и учинено. Первый изъ нихъ былъ отаманъ Моисей Ивановичъ Полторацкій, житель лоцманской Камянки, а второй, товарищъ и помощникъ его прозваніемъ, Непокрытенко, изъ Старыхъ-Кодакъ жительствомъ. Потомъ Государыня возвратяся обратно въ дворецъ приказала свѣтлайшему, чтобы лоцманы рушили въ походъ со всѣмъ царскимъ ея флотомъ, до пороговъ, когда залагаема и освящаема будетъ на горѣ соборная церковь. На другой день, послѣ того, изъ Новыхъ-Кодакъ Императрица изволила шествовать со всею царскою свитою, въ разныхъ богатыхъ и великолѣпно убранныхъ экипажахъ, до назначенаго мѣста, на коемъ имѣла быть заложена церковь, гдѣ нынѣ она и сооружена *).

*) Церковь сія дѣйствительно хотя и сооружена въ 1834 году, по повелѣнію Государя Императора Николая, написавшаго

Около того мѣста устроена была палатка *), для походной полковой церкви, въ коей тогда отправлялось служеніе и преосвященный Амвросій, совершаъ літургію, гдѣ и я, грѣшный старецъ Коржъ, удостоился быть. Пришедъ на начало, я слушалъ св. літургію, стоя въ самой срединѣ, около пѣвчихъ. Прибывши же Императрица къ полковой церкви съ Римскимъ Императоромъ и вышедши изъ кареты, изволила ити въ церковь по сходцамъ, и свѣтлѣйший поддерживалъ ее подъ руку: ибо оная церковная палатка была на аршинъ, или глубже, вкопана въ землю, а потому и ступеньки въ нее подъянныя были устланы, какъ онѣ такъ и поль всей церкви, разноцвѣтными коврами. Въ церкви во время служенія не было никого больше, кроме пѣвчихъ, да прибывшихъ съ Государынею фрейлинъ 12 душъ. Римскій Императоръ только заглянулъ въ церковь и пошелъ тотчасъ со свѣтлѣйшимъ и прочими генералами къ тому мѣсту, гдѣ расчищали землю, подъ заложеніе собора. А вся свита царская съ прочими зрителями, коихъ было многое множество, или лучше

собственноручно: «быть тутъ церкви гдѣ опал заложена Императрицею Екатериной». Однакожъ сооружена гораздо въ меньшемъ, противу заложенной, размѣрѣ. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви обнесено оградою, гдѣ небольшой монументъ поставленъ Императрицѣ Екатеринѣ, изъ мраморнаго камня, вывезеннаго изъ древнаго Херсонеса, что въ Крыму.

*) Мѣсто палатки для походной полковой церкви и теперь еще примѣтно.

сказать несмѣтное число разнаго народа, званія и пола, всѣ вокругъ стояли; да и не только съ здѣшнихъ мѣстъ и окличныхъ городовъ и селеній, но и самые дальние, за нѣсколько сотъ верстъ живущіе люди, сюда прїезжали, ради сугубой причины: какъ для перемоніи церковной, при заложеніи церкви, такъ и ради прибытія Императрицы, дабы удостоиться увидѣть Ея царское лицо. Да и кто не почудится таковому важному зрѣлищу, можетъ быть и во 100 лѣтъ, или въ нѣсколько вѣковъ, въ здѣшней украинѣ, въ первый разъ еще случившемуся? Азъ же убогій старецъ Коржъ, стою въ церкви и ожидаю окончанія св. літургіи. Когда-же окончена была літургія, то преосвященный Амвросій поднесъ крестъ Императрицѣ, къ коему Она приложившись, поклонилася на обѣ стороны и пошла къ выписанному устроеваемому мѣсту, на заложеніе церкви, въ провожаніи свѣтлѣйшаго, который тогда опять пришелъ въ церковь полковую, подъ конецъ уже літургіи. Мѣсто-же устроеваемо было подъ церковь, по размѣру только и смѣтѣ: гдѣ долженъ быть фундаментъ, одни дорожки почистили, да землю поравняли, ибо на скорый и внезапный случай не успѣли вырыть фундамента, а рыли уже рвы послѣ проѣзда царицы. Тутъ также по срединѣ мѣста сего, гдѣ долженъ быть престоль цер-

ковный, выкопана была большая яма, на подобие пещеры или склепу, глубиною почти въ сажень, а шириной болѣе двухъ, вся устланная камнемъ, съ таковыми же сходцами, кои покрыты были коврами, какъ и весь полъ склепа. Въ семъ склепѣ устроена была еще и маленькая пещерка или печурка, «ковчежецъ» (родомъ шкафки или шуфлядки *), подъ самыи бокъ склепа, глубоко удѣлана и устлана тоже дикимъ камнемъ, для сохраненія царской грамматы, на золотой доскѣ написанной. Потомъ начать былъ церемоніалъ, случаю сему приличный, такимъ образомъ весь соборъ архіерейскій со всѣмъ духовенствомъ, и со всею процессіею зашедшіи сначала отъ полудня, потомъ обратясь къ востоку сдѣлали крестный ходъ прямою среднею линіею, по расчищенному мѣсту, до самаго центра, гдѣ долженъ быть престолъ, а преосвя-

* Повѣствователь и здѣсь, подобно выше сказанному, ошибается. Ковчежецъ съ серебряною и золотою монетою, — начиная отъ пятака до имперіала, поставленъ былъ не на мѣсто, должноствовавшаго быть церковнаго престола, но въ основаніи самой передней стѣны противу олтаря. Изъ сего основания ковчежецъ оній, при новой закладкѣ той-же церкви, въ менющемъ размѣрѣ, извлеченъ, чтобы положить его подъ основаніе новое. Такъ точно и здѣшано, тѣмъ самымъ порядкомъ, какои призначенъ при своеручной закладкѣ первыи Государыи Императрицею. Не грамматы царская найдена тутъ, но мѣшная доска, густо позолоченная, съ приличною временемъ и обстоятельствамъ, надписью. Сія самая доска положена опять въ основаніе первокное съ ковчежцемъ и другою надписью, временемъ также приличною. За истиину свидѣтельства сего ручается свидѣтель, потому, что самъ онъ былъ, по благости Господней и дѣйствующимъ лицемъ, при второй закладкѣ, при строеніи церкви и при самомъ освященіи онай. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви, обнесено оградою.

щенійшій Амвросій идуши съ крестомъ, кропилъ святою водою на обѣ стороны, и пришедши церемоніально къ уготованному мѣсту большой пещеры, какъ выше сказаъ, остановились въ какъ преосвященнійшій, такъ и Императрица съ Римскимъ Императоромъ и свѣтѣйшимъ, и начали чинно сходить по ступенькамъ въ оную пещеру, гдѣ старши, по обычаю слушали церковное словословіе, совершившееся по чиноположенію, по окончаніи коего преосвященнійшій прочитавъ молитву, освятилъ граммату и мѣсто, и окропилъ все сіе, святою водою, крестообразно. Потомъ Императрица перекрестившись, къ востоку, и поклонившись на обѣ стороны, изволила сама взять граммату своими руками и положивши оную во уготованномъ мѣстѣ пещерки, какъ выше сказаъ, опять перекрестилась и поклонилась на обѣ стороны. За симъ вслѣдъ изволила жертвовать также и деньгами, серебренною и золотою монетою, а сколько оныхъ числомъ, мнѣ неизвѣстно, но знаю, что и онѣ тудаже были положены, гдѣ и грамматы. Между симъ временемъ и дѣйствіемъ, архіерейскіе пѣвчіе пѣли Императрицѣ многоглѣтствіе и всей царской фамиліи. Потомъ, въ продолженіи духовной царской музыки и пушечной пальбы, каменщики живо принялись за свою работу, и замуровавши все то мѣсто, гдѣ долженъ быть престолъ, поставили въ верху склепа, каменный крестъ. Императрица стояла при нихъ

дотолѣ, пока все дѣло было кончено и приведено въ порядокъ, какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ церемоніаъ былъ конченъ, мѣсто освящено и соборная церковь заложена на имя Императрицы Екатерины о 12 престолахъ. Въ тоже самое время, въ тотъ день и часъ и городъ сей, отъ устъ самыя Императрицы, получилъ свое наименованіе: въ честь и славу Великой Екатерины II, названъ Екатеринославомъ и повѣльно было, имянніемъ Высочайшимъ указомъ въ томъ-же году, Кременчугскую губернію*) перевѣстъ въ бывшую Половицу и назвать губернію Екатеринославскою; что и учинено въ скорѣ. Въ каковомъ событіи, при таковыхъ важныхъ и рѣдкихъ встрѣтившихся тогда обстоятельствахъ, благословенная наша страна и доселѣ еще благоденствуетъ и покоятся подъ покровительствомъ милосердаго отца, всеавгустѣйшаго

*) Кременчукской губерніи не было, но была Новороссійская, кояе главное управлениe находилось въ Кременчугѣ: отъ чего сей городъ и считался губернскимъ, по актамъ не бывшимъ таковыми. По упраздненіи Новороссійской губерніи, въ одно время съ упраздненіемъ Азовской, когда двѣ сіи губерніи слились въ такъ называемую Екатеринославскую, съ учрежденіемъ губернского города Екатеринослава, на Днѣпрѣ, въ то время Кременчугъ, упразднившися отъ сказанныхъ начальствъ, губернскихъ помѣщений, пересталъ и называться губернскимъ. Городъ Екатеринославъ хотя учрежденъ уже былъ повелѣніемъ Государыни Императрицы, не скоро однако могъ быть построенъ: посему, между тѣмъ, какъ строился, губернское начальство выведенное изъ Кременчука помѣщалось въ мѣстечкѣ Новые-Кодаки, которое по этому и было въ цвѣтушемъ состояніи, имѣвъ не мало и церквей. Нынѣ Кодаки въ самобѣдѣшемъ гостолинѣ, тѣмъ худшемъ, что, вмѣсто травы, росшей прежде во кругъ его, обсыпалася нынѣ весь пескомъ.

Императора нашего Николая Павловича, четвертаго уже послѣ Императрицы Самодержца.— Жители бывшіе досель въ Половицѣ, всѣ разошлись по другимъ селеніямъ на жительство, по предоставленной имъ указомъ волѣ, куда кто пожелаетъ; изъ нихъ одна большая часть переселилась въ Сухачевку, а другая меньшая часть, перешла въ Мандриковку, въ коей тогда только одинъ козакъ сидѣлъ зимовникомъ и занимался большою частю рыбною ловлею въ Днѣпрѣ. По прозванию Мандрики, около него поселившіеся Половицкіе жители, назвали селеніе свое Мандриковкою. Теперь возвращимся опять къ прежней матери. — На той самой горѣ, гдѣ заложенъ соборъ, и гдѣ была полковая церковь, какъ выше сказали, начиная отъ того самого мѣста, до нынѣшняго архіерейскаго дома и даже за богадѣльню, по всему пространству онаго взгорья, устроены были до прибытія еще туда Императрицы, прекрасные походные дома, изъ палатокъ, богато убранные и раскрашенные живописью и разными мебелями, однимъ богатымъ Кременчугскимъ купцомъ Фальевымъ, по совѣту свѣтѣйшаго князя Потемкина, съ тѣмъ намѣреніемъ, что Императрица, по заложеніи церкви и по окончаніи церемоніала, будетъ непремѣнно кушать въ тѣхъ домахъ и опочивать, однакожъ Императрица поглядѣла только на нихъ издали. О семъ ниже пояснено будетъ, а упомянемъ прежде нѣсколько о Фа-

льевъ. Сей знаменитый купецъ по безчисленному своему богатству и миллионному капиталу былъ поставщикомъ или подрядчикомъ всѣхъ казенныхъ запасовъ и провіянта на всю Россійскую армію; а также содержалъ не только разные заводы литеїные, селитренные, пороховые и проч., но и всѣ фабрики, разныя мануфактуры безъ изъятія, во всей Россіи, были подъ его проtekцією. А сверхъ того онъ занимался виннымъ откупомъ почти во всѣхъ губерніяхъ Россіи, Малороссіи и Новороссіи; словомъ богатѣйшаго человѣка въ тѣ времена почти ни гдѣ не было изъ числа Россійскаго купечества.—Потомъ, когда уже флотъ Императрицы, по данному прежнему новеллѣнио, изъ Новыхъ-Кодакъ двинулся и началъ приближаться Днѣпромъ противу самаго того мѣста, гдѣ было заложеніе соборной церкви, то Императрица увидѣвшіи оный пустившійся низомъ по Днѣпу, оставивши всѣ прочія дальности и предпріятія, по окончаніи бывшаго церемоніала поспѣшила и сама къ порогамъ, дабы увидѣть, какъ будуть спущать царскій ся флотъ, чрезъ пороги, и потомъ сѣвши въ карету изволила уѣхать въ Ненасытецъ, гдѣ изволила кушать и опочивать, доколѣ флотъ подоспѣлъ къ порогамъ. Когда-же начали спущать первое ея царское судно чрезъ пороги, на коемъ суднѣ сидѣлъ тогда кормчій нашъ, вышеупомянутый Полторацкій, и когда бросилось оно обычно съ пороговъ въ бездну водную, съ страшнымъ шу-

момъ, то Императрицѣ показалось, съ горы, что оно въ пенящихся волнахъ и глубокой пучинѣ на вѣки погрязло и иогибо невозвратно, тогда Она очень скорбла и печалилась не за судномъ, а за людьми страждущими и жизнь свою потерявшими; но когда Ей свѣтлѣйшимъ было донесено, что судно цѣло и чрезъ пороги прошло безъ вреда, да и всѣ суда царскіе перешли чрезъ пороги благополучно и люди всѣ живы, и стоять у пристани, ожидая царскаго Ея новеллїя. Тогда Императрица чрезвычайно обрадовалась о таковомъ извѣстіи, и тотчасъ приказала свѣтлѣйшему представить къ ней того самого лоцмана, который первымъ ея судномъ управлялъ, и когда лоцманъ явился, то она сама спросила его: ты-ли Полторацкій, отаманъ надъ лоцманами?—Тогда Полторацкій палъ на колѣни и отвѣчалъ Ей: я тотъ самый, о коемъ Вы изволили спрашивать. Потомъ сказала Императрица: жалую тебя Полторацкій, за твою вѣрную услугу поручикомъ. Есть-ли у тебя дѣти? продолжала Императрица.—Есть Ваше Императорское Величество! одинъ сынъ 13 лѣтъ, сказалъ Полторацкій. Потомъ Императрица и сына его изволила пожаловать прaporщикомъ и обѣщала прислатъ имъ грамматы на чины и на дворянство всему ихъ потомству. Когда наконецъ весь флотъ царскій пошелъ водою, внизъ по Днѣпу, до Херсона, тогда Императрица изволила уже далѣ путешествовать сухопутемъ, куда

Ей благоразсудилось. Дворецъ же царскій оставилъся въ Новыхъ-Кодакахъ, наполненъ быль по повелѣнію свѣтлѣйшаго, чулошными фабрикантами, переведенными изъ Бѣлорусіи и изъ мѣстечка Дубровнаго; тутъ фабриканты жили дотолѣ, пока въ Екатеринославѣ устроены были новыя фабрики, и перешедши въ оныя, разобрали и дворецъ царскій, на постройку тѣхъ-же фабрикъ. Въ Екатеринославѣ первымъ губернаторомъ быль Синельниковъ, а по немъ Селецкій; жили они навремяни въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ архиерейской, ибо домъ этотъ быль казенный и существовалъ еще до прибытія Императрицы. Свѣтлѣйшаго-же князя Потемкина дома выстроены были по проѣздѣ Императрицы; прежде вырыты были рвы *) на фундаментъ, выше нововыстроившейся нынѣ церкви, возлѣ нынѣшнихъ солдатскихъ лазаретовъ, въ те поры, когда свѣтлѣйший быль еще въ Екатеринославѣ съ Императрицею, а по проѣздѣ ей предписанъ, чтобы строить дома его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ они стоять. Тутъ быль посвяты тогда мой яичмень, и еще не собранъ быль, какъ начали каменищемъ размѣрять на фундаментъ, и мы съ Глебомъ оставивши свое жилище и садъ наши заведенный удалились оттуда, по своимъ мѣстамъ. Потемкинъ въ своихъ домахъ почти никогда не быль, до кончины

*) Рвы сіи дѣствительно и теперь тутъ видны.

своей. Кирпичъ-же, на строеніе тѣхъ свѣтлѣйшаго домовъ, привозили изъ Киева лодками по Днѣпру, а присланые Императрицею изъ Петербурга, на другой же годъ, золотыя паниклила, дорогія лампады и занавѣси, для новостроющейся соборной церкви, висѣли уже по томъ въ домау свѣтлѣйшаго.

X.

• РАДУТАХЪ И ФИГУРАХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ.

=

Хотя намъ уже и известны Запорожскія гравиціи, бывшія тогда съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, гдѣ начинались и гдѣ кончались, какъ выше сказано, по неизвѣстны радуты и фигуры, кои устроены были по ту сторону Днѣпра, отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, начиная отъ устья Орѣли, по самую Конку рѣку. Скрозь по надъ самымъ Днѣпромъ, около воды, построены были родъ уѣздныхъ дворовъ и назывались радутами, которыя радуты одна отъ другой были въ 10, 20 и 30 верстахъ, судя по мѣстоположеніямъ открытыхъ и закрытыхъ мѣсть, дабы одна другую могла видѣть. Всакаго радута строеніе было пространное, подобно казармъ или Сѣчевымъ куринямъ, безъ чулановъ и перегородокъ, съ сѣнми и одною чрезъ сѣни коморкою для поклажи, покрыты были обычнымъ

тесомъ , а иногда и камышомъ , обведенъ быль радуть пространнымъ дворомъ и деревянымъ заборомъ , въ срединѣ съ конюшнями для пріѣзжихъ лошадей ; по сему и всѣ радуты были устроены такимъ-же фасономъ . Въ сихъ радутахъ жили козаки гетманскіе , у коихъ шапки были четвероугольныя съ длинными рожками , а иногда и Запорожскіе , всегда безотлучно находились въ радутѣ по 50 человѣкъ , перемѣняясь ежегодно . Сіи козаки назначались для бекетовъ и разъездовъ на счетъ непріятеля . Около каждого изъ выше показанныхъ радутовъ двора , построены были фигуры , чуднымъ и удивительнымъ манеромъ , разстояніемъ отъ радута въ полъ или въ четверть версты , но не ближе , для осторожности отъ огня . Каждую фигуру строили они изъ 20 бочекъ смоляныхъ , такимъ образомъ : прежде съ самаго начала начинали основаніе фигуры или фундаментъ на 6 бочкахъ , кон переворотивши всѣ , на сторѣ , ставили ихъ на землю упитанную смолою , плотно кругло , одну возлѣ другой , родомъ кучки гетманской , коею обгораживали деревья на шляхахъ , или на подобіе самаго большаго винокурнаго чана , такъ , чтобы въ срединѣ снаго бочковаго циркуля , было пустопорожжее мѣсто . Свяzymьвали сей циркуль или шаръ бочекъ стоящій на землѣ , самымъ искуснѣйшимъ и прочнымъ образомъ толстыми смоляными канатами ; но не забудемъ припомнить и того , что всѣ 20

бочекъ , изъ коихъ начинаютъ строить фигуру , были бездонныя каждая въ горѣ имѣла только по одному дну , на исподѣ , съ нижняго края ; потомъ на тотъ-же самый нижній бочковый циркуль , ставили другой шаръ или сводъ изъ 5 уже бочекъ , такимъ-же образомъ и способомъ , какъ и первый , а за симъ сводомъ выше третій шаръ ставили изъ 4 бочекъ , за третьимъ еще выше укрѣпляли четвертый шаръ изъ 3 бочекъ , а также и на четвертомъ сводѣ ставили еще 2 бочки все въ гору , дважды , пока мѣсто оставалось на одну только бочку въ верху , то сія послѣдняя бочка была чудище и бѣдище всѣхъ двадцатиричного числа бочекъ , по той причинѣ , что всѣ бочки имѣли по - крайней - мѣрѣ по одному дну , для собственнаго названія бочекъ , а сія послѣдняя не имѣла ни одного , а только обтанута была обручами ; а потому и имени бочки , по недостаткамъ своимъ , не заслуживала , обаче низкостію своею превышала всѣхъ прочихъ , и поставляли оную на самомъ верху двухъ бочекъ , вмѣсто купола , какъ маковку , а чрезъ сіе самое и прочія уже бочки получали свое желаемое достоинство и совершенный видъ фигуры . Но для чего она выстроена ?— Любопытство потерпить , а мы еще прибавимъ на счетъ ея . Въ сей фигурѣ , на самомъ верху , въ бездонной бочкѣ вѣланы была перекладина , думать надобно желѣзная , какъ разъ посрединѣ бочки , въ верху съ блокомъ , и

навѣшенъ бытъ на онуу перекладину шнуръ, такъ длинный, что оба концы его лежали на землѣ. Одинъ конецъ висѣлъ на дворъ спущенъ по фигурѣ свободнымъ, а другой конецъ шнура опущенъ бытъ въ средину фигуры, по коему концу, сажня на полтора, привязанъ бытъ и дротъ желѣзный съ великимъ пучкомъ мочулы, вареной въ селитрѣ; сей селитренный пучокъ висѣлъ въ фигурѣ дотолѣ, пока надобность укажеть. Но еще не все, надобно потерпѣть. Въ каждомъ радутѣ, надъ гетманскими козаками устроенъ бытъ начальникъ, по ихнему есауль, который командовалъ надъ ними и дѣлалъ разпоряженіе, такъ, чтобы у фигуры безсмѣнино были часовые, два или три человѣка, а изъ прочихъ козаковъ дѣлалъ, бекеты и отряды для разѣздовъ. Козаки обмундированы были самою лучшою гетманскою амуницією, при всемъ военному оружію, какъ-то: мушкетъ, ратище, сабля и четыре пистоля. Отряды составлялись изъ 5, 10 и болѣе козаковъ, кои разѣзжали на верховыхъ уборныхъ лошадяхъ отъ радута до радута, по своихъ станціяхъ, а также и на стенахъ, гдѣ жатвы и покосъ бывастъ; а иные проѣзжали до самой границы и высматривали непріятеля, съ которой стороны появится. Ибо въ тогдашнія времена Иогайцы и Крымскіе Татары сильно беспокоили Запорожцевъ и Гетманцевъ, (по той-то причинѣ и гетманъ дѣлалъ вспоможеніе Запорожцамъ своими козаками), такъ,

что собравшись въ одно мѣсто великими толпами, дѣлали набѣги, захватывали скотъ и овцы, грабили и убивали людей, разоряли слободы и земловники, и отводили многихъ въ плѣнъ. А потому-то наши отряды и бекеты, если увидать бывало гдѣ нибудь, приближающуюся орду къ предѣламъ Запорожскимъ и Гетманскимъ, то тотчасъ, въ ту же минуту, верховые козаки бѣжать во всю прыть къ ближайшимъ радутамъ и даютъ знать, что непріятель близко и тогда уже есауль скачевъ съ козаками къ фигурѣ и зажигаетъ онуу посредствомъ вышиенрописаннаго фитиля живо, и когда разгорится, то и прочимъ радутамъ даютъ чрезъ сie знать. И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ разгораются и даютъ всѣмъ жителямъ осторожность, кои въ стенахъ и въ лѣсахъ и на плавняхъ занимаются разными своими работами, дабы уходили со скотомъ своимъ въ слободы и спасали-бы жизнь свою. Потомъ уже и всѣ полки Запорожскіе, стоящіе по Паланкамъ, для запасу собираются вмѣстѣ; дѣлаютъ сраженіе и побѣждаютъ непріятеля и выгоняютъ его изъ своихъ предѣловъ. Вотъ для чего устроены радуты и фигуры. Изъ числа ихъ одинъ радутъ и фигура устроены были за Днѣпромъ, противу самыхъ Новыхъ-Кодакъ, и если кому заблагоугодно будетъ изъ читателей сего моего описанія, то я (говорить Коржъ) пока

еще живъ, приведу на самое то мѣсто, и покажу гдѣ была оная фигура и смоляныя знаки.

Еще слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ хищныхъ поступковъ непріятелей, въ малыхъ ихъ шайкахъ бываемыхъ, а тутъ-же вмѣстѣ противу того и осторожности Запорожскихъ бекетныхъ козаковъ.

1-е). Дикие Ногайцы подобны были тогда хищнымъ дикимъ птицамъ, высоко въ гору возносящимся, кои для того въ гору единственно подымаются, дабы скорѣй увидѣть свою добычу и насытить жадную утробу. Такъ и они, дабы наполнить свои кровожаждущія руки грабежемъ и убийствомъ, всегда въ обычай ихъ было, въѣзжать прежде верховыми лошадьми на высокія могилы, или курганы, по 6 и по 10 человѣкъ вмѣстѣ, кучами, и въѣхавши на оные разматриваютъ, гдѣ пасутся стада, и гдѣ находятся люди въ работѣ; тогда уже нападаютъ на людей, берутъ въ плѣнъ и грабятъ скотъ. И сіи набѣги весьма часты бывали отъ малыхъ воровскихъ ихъ шаекъ, въ коихъ не болѣе ихъ бывало, какъ отъ 10 до 20 человѣкъ, на отборныхъ и испытанныхъ лошадяхъ, и притомъ вкрадывались малыми шайками для того, чтобы и уйтить можно было удобнѣе въ неудачномъ случаѣ.

2-е). Равнымъ образомъ и Запорожскіе бекетные козаки, въ осторожность свою употребляли тѣ-же могилы и курганы, въѣзжая на

ония, могли усматривать въ далекѣ непріятельскія Ногайскія шайки. Но по всемъ радутамъ отданы были приказы, чтобы изъ числа разъездныхъ бекетныхъ козаковъ, всегда одинъ только въѣзжалъ на могилу, а не 2, 5 и 10, какъ Ногайцы, которые въѣзжали на могилу кучею, дабы народъ Запорожскій бываемый въ степяхъ, могъ имѣть различіе между непріятелемъ и своими козаками, о чёмъ было и объявлено всему народу, по всемъ паланкамъ, зимовникамъ и слободамъ, и чрезъ то самое и выигрышъ получали часто; потому, что увида непріятеля, имѣли осторожность: собирались въ кучи по знакамъ, дѣлали таборы изъ возовъ и соединенными силами поражали непріятеля взъ ружьевъ, а часто и въ плѣнъ ихъ захватывали. Ибо всякий поселенникъ, ёдучи въ степь, всегда имѣлъ для запасу, въ возѣ, мушкетъ, а Ногайцы стрѣляли только изъ луковъ, ружей-же у нихъ не было; и когда выкидаются стрѣлы, то тогда остаются пасы.

Однако о Ногайцахъ, и бывшихъ съ ними произшествіяхъ, я не токмо слышатель, но почти очевидный свидѣтель.

XI.

О СТАРОДРЕВНИХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЕЛЕНИЯХЪ, БЫВШИХЪ ЕЩЕ ДО АТАКОВАНИЯ СЪЧИ.

=

Начнемъ прежде отъ Старыхъ-Кодакъ, вверхъ по Днѣпу.

1-е селеніе Старый-Кодакъ, имѣло свое титло до прибытія еще въ сюо украину древнихъ Запорожцевъ, кои назывались « Козарами » *). Сей Кодакъ былъ городомъ и находился подъ Польскою державою, въ немъ была устроена знатная побережная крѣпость, обведенная глубокимъ рвомъ и высокимъ землянымъ валомъ съ подземными воротами. На сихъ мѣстахъ и досель еще зрятся знаки развалинъ и бывшихъ канавъ. Въ сей крѣпости жилъ нѣкогда Польский князекъ, въ родѣ коменданта и командовавъ симъ участкомъ земли, населенной Поляками, начиная отъ нынѣшней Польской границы, по Днѣпу, до границы Турецкой, къ великому лиману примыкающейся, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ. Все это пространство земли было Польское: завидный кусокъ нѣвыгодный кутокъ.

*) Старый-Кодакъ равно какъ и Новый стоялъ на одномъ и томъ-же берегу Днѣпра въ разстояніи одинъ отъ другого верстъ около десяти. Между ними расположены нынѣшний Екатеринославъ. Въ Старомъ-Кодакѣ слышны списываемой земляной крѣпости и теперь еще видны. Тутъ указываютъ одинъ не малой величины камень, на которомъ бессновалъ, якобы, Петръ Великий.

Вышедши-же Козары, по пересказамъ, изъ за Киева, подъ предводительствомъ тогда главного ихъ полководца Кошеваго Германа, съ великою силою парола, сѣвши по ту сторону Днѣпра отъ сѣверо-восточной стороны, сдѣлались князьку Польскому очень близкими соседями. Здѣсь-то Германъ Кошевый видя для себя и для команды своей, на счетъ постояннаго жительства, тѣсное мѣсто, и притомъ имѣя въ виду и другія намѣренія будущія предположенія по обычному и удачному своему форсу, раздѣлилъ всю свою команду на три части: первую водворилъ въ соединѣ помянутаго князька; вторую поселилъ надъ Дономъ, а третью — изъ отборныхъ храбрыхъ Козаровъ, выбранную около 15,000 войска, взялъ съ собою и пошелъ прямо къ Сибири и всю ону юную дикую страну въ продолженіи не такъ долгаго времени, разными способами и удачными случаями, покорилъ и присоединилъ къ державѣ Россійскихъ Самодержцевъ. А потому уже изъ первой части Казаровъ оставшихся на жительствѣ у Днѣпровыхъ пороговъ, получившихъ отъ нихъ название (какъ выше сказали) произошли и все приснословутые Запорожцы *). И отъ умноженія своего членъ отъ часу тѣснились долго своимъ участкомъ земли, данимъ

*) Все это Коржево преданіе очень темно здѣсь, намѣкаетъ что-то на завоеваніе Ермакомъ Сибири, и занятіе Днѣпровскихъ острововъ Евстаѳіемъ Да斯基евичемъ и Предиславомъ Лавицкоронскимъ, а да же, на Богдана Хмѣльницкаго.

имъ оть Германа. Потомъ король Польскій жившій сначала съ Запорожцами въ дружбѣ , подарилъ по просьбѣ ихъ всю область Кодацкаго князька и предписалъ указомъ , дабы Поляки переселились въ другое мѣсто ; а Запорожцамъ по ихъ крайней нуждѣ уступили-бы всю свою шляхетскую дѣдину. Но Польскій старшина , бывшій тогда съ князькомъ въ Кодакахъ , послѣдовавшій оть короля указъ утаилъ и не хотѣлъ уступить Запорожцамъ своей кровной и наследственной осѣдлости ; Запорожцы-же сугубою своею докукою Королю , вынудили у него чудное и мудреное словцо, или лучше сказать обоюдное, и въ отношеніи обѣихъ сторонъ гибельное, какъ видѣли мы въ послѣдствіи времени на счетъ потерп Сѣчи и всего рушившагося Запорожья. Ибо по пословицѣ : ища чужаго свое потеряешь. Вотъ словцо королевское , сказанное Запорожцамъ : попужните ихъ хорошенъко оттуда, если они т. е. Поляки , нехотятъ добровольно уступить вамъ земли своей ! — И какъ начали пугать Поляковъ , Запорожцы , то послѣ и король нерадѣ былъ своему выпущенному изъ рта слову ; и вмѣсто прежней дружбы сѣѣлись непримиримыми врагами . Ибо Запорожцы 7 лѣтъ Поляковъ душили , драли , грабили и убивали , и до тѣхъ поръ ихъ теснили , пока Поляки совершенно имъ уступили мѣсто и были прогнаны до самой бывшей границы , по рѣку Случь. По этому случаю и городъ Кодаки оставался уже

въ Запорожскомъ владѣніи , да и нынѣ существуетъ и славится древностю своего названія , и оставшеюся Запорожскою рукою.

2-е селеніе Лоцманская - Камянка , получившее название отъ прозвавшагося козака Лоцмана , который сидѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникомъ и занимался рыбною ловлею , также славился искусствомъ по части водоплавныхъ судовъ , мимо каменихъ утесовъ и пороговъ въ Днѣпрѣ.

3-е селеніе Половица , о коей выше уже объяснили.

4-е селеніе Діевка отъ козака Деля изъ Новыхъ - Кодакъ первоначально выселившагося на оное мѣсто , отъ него и селеніе получило свое название.

5-е Новые-Кодаки , мѣстечко сіе любезная моя родина , говорить Коржъ , существовало еще и во время Польскаго владѣнія (какъ выше сказали при описаніи Старого-Кодака) а потомъ , когда онымъ завладѣли Запорожцы , то оно отъ случившагося въ немъ пожара обратилось въ пепель. До сгорѣнія-же выстроена была въ немъ церковь небольшая , деревянная , стараниемъ Запорожцевъ , покрытая соломою и камышемъ. Послѣ того , какъ церковь , такъ и все оное мѣстечко вновь было выстроено и названъ былъ городъ Новые-Кодаки. Въ немъ построена была и крѣость удивительною и чудною архитектурою Запорожскою , и именно : весь городъ обведенъ былъ обычною глубокою канавою и острыми рогат-

ками, въ двѣ лавы, на сажень отъ канавы. Въ семъ городѣ было три башни деревянныя, чрезвычайно искусно сдѣланныя: 1-я внизъ по Днѣпру, 2-я въ гору Днѣпра, а 3-я на полдень; надъ канавою вокругъ города устроенъ былъ земляный валъ, хотя и обыкновенной величины и высоты, но съ четырьмя раскатами по угламъ города, на коихъ были утверждены пушки, а притомъ, на самомъ верху онаго вала поставлены были вокругъ лозовые, выплетенные кошели и насыпанные землею до верха, наподобіе маковки. Сіи кошели плетены были внизу очень узко не шире аршина, а вышиною въ гору и въ горѣ шириной косового сажня, и ставили ихъ по валу одинъ возлѣ другаго, такъ плотно, чтобы верхніе краи кошелей сходились вмѣстѣ, или спеплялись одинъ съ другимъ, а нижніе краи утвѣрждали на валу; и такъ сей кругъ или циркуль, стоящий на валу вокругъ города, казался издалѣ на подобіе вѣнца съ коронами. Сіи кошели подѣланы были на счетъ защиты и противъ непріятеля, такъ напр. если подступивший подъ городѣ непріятель начнетъ бросать пули въ городѣ и мѣтить прямо на бекетныхъ часовыхъ, на валу для защиты находящихихъ то пули его остаются, ударяясь о земляные кошели, не дѣйствительными, и часовыхъ повредить никогда не могутъ; они-же сидя, лежа за кошелями (какъ въ Бендерахъ за стѣнами) будучи невредимы, безъ нуждано уже изъ своихъ оружій, въ щели или

въ окошка, между кошелями внизу находящіяся, поражаютъ непріятеля. Сія хитрая диковинка, хитрыми Запорожскими козаками выдуманная, была почти первая тогда, между всѣми, какъ нашими, такъ и непріятельскими крѣпостями самымъ искусствѣннѣмъ образомъ состроенная. Въ то время какъ оная крѣпость была строена, я (Коржъ) пріѣхавши изъ Сѣчи въ Новые-Кодаки по надобности, и видя что люди роблять, зробивъ и себѣ для памяти, собственными руками два кошеля, и отвѣзши волами на мисто, поставивъ якъ треба и насыпавъ землею. Чудно и удивительно, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было такое огромное зданіе, да и не такъ еще въ давнее время, едва уже и слѣды онаго видны.

6-е селеніе Сухочавка, название получило отъ одного козака, прозваниемъ Сухача, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и быть первыи основатель онаго селенія во времія Запорожья.

7-е селеніе Тарамское, название получило отъ того, что оно было поселено надъ самыми Днѣпромъ, у берега, и имѣя мѣстоположеніе, или грунтъ земли камений, скелестый и весьма скучный, труской и беспокойный для проѣзжихъ людей путь такъ, что когда повозкою кто ёдетъ, то безпрестанный и сильный производить стукъ, и будто бы, какъ простые люди говорять «таротитъ», отъ чего и Тарамское прозвано.

8-е селеніе Карнауховка, прозвано отъ козака Карнауха, сидѣвшаго нѣкогда тамъ зи-

мовникомъ, со скотоводствомъ и со всею худобою.

9-е селеніе Тритузное, тоже получило название отъ козака, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и прозвывавшагося Тритузнымъ, который былъ первоначально основателемъ онаго селенія.

10-е селеніе Камянское, названо отъ козака, прозваниемъ Камянского, который имѣлъ тамъ зимовникъ и былъ осадчимъ онаго селенія.

11-е селеніе Романково, название получило не отъ прозвания козака, но отъ имени его Романа, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и скотоводство, а также и хлѣбопашество, коимъ и все козаки, вышесказанные осадчи, занимались большою частію занимались рыбною ловлею, въ отношеніи хорошихъ и выгодныхъ мѣстоположеній и ставокъ, скрзъ по надѣ Днѣпромъ въ гору и въ низъ онаго простирающіхся, и гораздо въ большемъ количествѣ, тогда изобиловавшихъ разнородною рыбью, чмъ въ нынѣшнія времена.

12-е. Теперь перейдемъ отъ полуденно-западной стороны къ сѣверо-восточной и скажемъ какія были стародревнія селенія по ту сторону Днѣпра, и во первыхъ начнемъ отъ Самари.

Сіе знатное селеніе получило название отъ рѣки Самарь. Оно въ древности и отъ славнаго Запорожья славилось, да и нынѣ славится сугубо, по причинѣ тройственнаго названія, во имя святых Троицы храма, въ немъ нынѣ существуетъ

ствующаго. Первое название и имя Самары было отъ населившагося первоначально Запорожскаго народа надъ рѣчкою Самарью. Второе название получило себѣ послѣ атакованія Сѣчи, когда люди изъ Гетманщины и изъ Россіи начали приходить въ сию украину и поселились вновь по рѣчкѣ Самарь въ довольною количествѣ, тогда Самарь переименована была Новоселицею; а третье название получило оно отъ устроенія въ немъ уѣзда, за бывшей Кременчугской губерніи, во время устроенія Новороссійска въ Половицѣ, предъ путешествіемъ Государыни Екатерины, какъ выше сказали, и названо городомъ Новомосковскимъ.

Около мѣстечка Самари издревле устроенъ былъ и монастырь общежительный, тѣми-же Запорожцами, который и до сихъ поръ существуетъ. Въ немъ тогда было монашествующихъ около 20 человѣкъ, и населились туда оные изъ Сѣчи, а посвященіе и производство въ іеромонахи и во іеродіаконы получали въ Кіевской Лаврѣ, какъ и Сѣчевые монашествующіе, жили изъ подаянія очень достаточно. Церковь была деревянная, ризницей и церковною утварью чрезвычайно богатая; храмъ былъ Святителя Николая Чудотворца, отчего и названъ монастырь Самарскимъ-Николаевскимъ. Вместо настоятелей были въ немъ всегда поперемѣнико строители изъ тѣхъ-же іеромонаховъ. Народъ Запорожскій имѣлъ осо-

бенное поченіе и уваженіе къ монашествующимъ, и приходилъ великими толпами въ монастырь, какъ для поклоненія Николаю Чудотворцу, такъ и для пазиданія душевнаго, отъ слышанія слова Божія, ежедневно въ церкви проповѣдуемаго, а особенно въ нарочитые праздники и годовые посты, въ кои они говѣли и исповѣдывались по христіанскому обряду и принимаемы были отъ монашествующихъ чинно и странолюбиво, съ особеннымъ пустынно-служительскимъ угощениемъ, на каковый пріемъ и витальщицы т. е. гостепріимные domы устроены были совсемъ въ нихъ для поклонниковъ довѣрѣмыми потребностями; и въ сie-то особенное и роковое время были чрезвычайные для монастыря доходы и подаянія монашествующимъ.

13-е селеніе отъ Самары вверхъ по Днѣпу Старожила Камянка, противу Новыхъ-Кодакъ, къ коей жилъ первый основатель оной, Каменской, отъ коего она и название свое получила.

14-е селеніе Петровка, название получила также отъ первого поселившагося тамъ козака Петрика, занимавшагося въ зимовникѣ обычнымъ своимъ хозяйствомъ.

15-е селеніе Могилець, получило название свое отъ козака Могилы, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и бывшаго первоначально основателемъ онаго селенія.

Отсюда возвратимся назадъ, не по Днѣпру одинакожъ, но по рѣчкѣ Орели, тоже въ гору.

16-е селеніе Гупаловка, получила название отъ козака Гупала, который былъ первый житель въ семъ селеніи и сидѣль первоначально тамъ зимовникомъ.

17-е селеніе Перещепина, на большомъ шляху, пограничное мѣсто съ Полтавскою нынѣ губерніе и конечное Екатеринославской губерніи селеніе, а равно и въ старину между Гетманщиною и Запорожскою землею, также пограничное урошице сie было, и будто-бы перещепивало т. е. раздѣляло Гетманщину отъ Запорожья; на семъ мѣстѣ поселившійся первый козакъ основатель сего селенія, прозванъ по шуточному Запорожскому обычаю Перещепою, отъ коего и село Перещепина ведеть свое название. Вотъ и всѣ стародревнія Запорожскія селенія, бывшія еще до атакованія Сѣчи. А на прочихъ мѣстахъ, во всѣхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, были одни только зимовники, хутора и шалаші козацкіе, какъ и у кочующихъ Ногайцевъ, ибо всѣ вообще безъ изыятія пастухи, скитавшіеся по пространнымъ степямъ Запорожскимъ, какъ-то: табунщики, скотари и чобаны вели жизнь по шалашамъ кучуюшую и называли онага кошами, какъ выше сказано при описаніи ихъ обычаевъ, а о селеніяхъ, также и о святыхъ церквахъ почти у нихъ и думки не было, или лучше сказать и понятія не имѣли, по той причинѣ, что со всѣхъ сихъ вышесказанныхъ нами 17 селеній, были

только церкви въ 6 селеніяхъ , кроме Сѣчи и монастырей, а именно : 1-я въ Старомъ-Кодакѣ, 2-я въ Новомъ-Кодакѣ, 3-я въ Самари, 4-я въ Карнауховкѣ , 5-я въ Романовкѣ и 6-я въ Могилевѣ ; а всѣхъ церквей съ монастырскими и Сѣчевою было во всемъ обширномъ пространствѣ Запорожского владѣнія только девять.

КОНЕЦЪ.

11515

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ.

	СТРАН.
Предисловіе издателя	IV.
О жизни Н. А. Коржа	1.
О началѣ селенія Михайловки	4.
Права Запорожскія и законы	12.
О смертныхъ казняхъ преступниковъ	21.
О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ	26.
Объ атакованіи Сѣчи.	44.
О началѣ города Екатеринослава	55.
О путешествіи Императрицы	61.
О радутахъ и фигурахъ Запорожскихъ	77.
О стародревнихъ Запорожскихъ селеніяхъ , бывшихъ еще до атакованія Сѣчи	84.